

СЕРІЯ «ЖИТИ ПО-НОВОМУ»

АЛЕКСАНДР ПАСХАВЕР

КЕМ БЫТЬ

ФОНД ПОРОШЕНКО

КИЕВ 2014

Пасхавер, А.И.

Кем быть / Александр Пасхавер. – К.: Фонд Порошенка, 2014.
– 112 с. – (Серия «Жити по-новому»).

Предисловие Петра Порошенка

ISBN 978-617-635-055-2

Автор пытается ответить на тревожащие нас вопросы. Основной – почему у нас не получается сходу создать здоровое, сильное и дружелюбное к своим гражданам государство? Но мечта может осуществиться, если вместе с реформами обратить пристальное и деятельное внимание на европейские социальные ценности, общие для всех богатых стран.

© Фонд Порошенка, 2014

ISBN 978-617-635-055-2

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жити по-новому. Передмова Петра Порошенка</i>	4
НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.	
«БРАТ У ВОРОТ»	7
I. ПРОЛОГ	10
Надежды	10
Мы недовольны	13
Ищем причины	19
II. СЦЕНА	24
Неудачи копирования	24
Естественное государство	27
Порядок открытого доступа	34
Переход	39
«Последовательность человеческого развития»	48
Пять практик как инструменты модернизации	54
III. ПРОБЛЕМА УКРАИНА	63
Мы хотим в Европу	63
Что значит войти в Европу?	67
Характер европейца и украинца (социальные ценности)	78
«Естественное государство» Украина	88
Предварительные итоги	93
Соблазны, и наверняка не все	96
Действовать.	
Не политический, а моральный инструмент	97
IV. ПОСЛЕСЛОВИЕ.	
МАЙДАН КАК ЦЕННОСТНЫЙ СКАЧОК	104
Примечания	106

ЖИТИ ПО-НОВОМУ

Приблизно рік тому ми в колі друзів та однодумців дійшли висновку про неминучість кардинальних перемін в Україні. Тотальна корупція, розграбування багатств країни й здача національних інтересів поставили під загрозу соціальний мир, добробут громадян і саму незалежність. Прикметно, що вже в той час наша оцінка політичних та соціально-економічних процесів в Україні збігалася з думкою переважної більшості наших співвітчизників, які демонстрували найвищі в Європі показники невпевненості в майбутньому та незгоди з тим курсом, яким рухається держава.

Простим і логічним виходом із такої ситуації є зміна влади. Але вітчизняний політичний досвід показує, що самої зміни прізвищ керівників недостатньо для справжнього оновлення країни. Українці вже неодноразово доводили свою здатність протидіяти авторитаризму й повертати владу обличчям до потреб народу. Та згодом найкращі наміри втілювалися в хибні рішення, перемоги змінювалися поразками, а сподівання – розчаруваннями.

Тому, стоячи на порозі нової масштабної кризи національної державності, ми вирішили підійти до питання про зміст майбутніх реформ максимально вдумливо й відповідально. Адже крім волі та бажання перемін, потрібне розуміння, яку країну ми буду-

ємо, яким є загальний план і послідовність цього будівництва, що є головним, а що є другорядним і лише відвертає увагу від принципових речей.

Щоб дати обґрунтовані відповіді на ці питання, маємо вже досить багатий власний досвід, можемо й повинні скористатися напрацюваннями більш успішних країн і порадами провідних експертів і практиків.

Сьогодні в суспільстві є величезний запит на оновлення. При цьому багато хто з наших громадян звикли очікувати відповідних кроків і рішень від влади – людей, яким вони надали мандат довіри. Але ми в Україні вже неодноразово мали змогу переконатися, що ця проста схема не працює. Насправді ми повинні зробити саме суспільство активним учасником реформ, залучити його до вироблення рішень, контролю за їх виконанням.

Влада не просто повинна чути громадян, вона має пояснювати кожен свою дію, радитися з громадянами, переконувати їх, звітувати про свої успіхи та невдачі. У свою чергу, від кожного учасника цього процесу вимагається серйозна внутрішня робота, бо змінити країну – це передусім змінити себе.

Для цього ми повинні зробити стратегію національного розвитку й реформування країни максимально зрозумілою, привабливою і близькою для мільйонів співвітчизників.

Проект оновлення України охоплює широке коло завдань і сфер, які потребують фахової оцінки експертів, політичної апробації, засвоєння на рівні свідомості та психології кожного громадянина.

У серії авторських видань «Жити по-новому» представлено думки й підходи до актуальних суспільних перетворень провідних вітчизняних інтелектуалів, які відгукнулися на виклик національного оновлення.

«Ким бути?» – такий вибір стоїть перед кожною людиною на початку її самостійного життєвого шляху. Знаний економіст Олександр Пасхавер ставить це питання в широкому розумінні для цілого українського суспільства. Він наголошує на тому, що тип економічної організації, як і особливості політичної системи, визначаються у своїй основі значно глибшими чинниками людського співжиття. Серед них ключова роль належить суспільній моралі, а також принципам і цінностям, на яких побудоване життя окремої людини й держави загалом.

Професор Ярослав Грицак розмірковує над тим, як українцям вийти зі світоглядних пасток і глухих кутів історичної пам'яті, як нам примиритися з минулим і звільнити в душі місце для майбутнього.

Погляди інших авторів, які дають власні відповіді на виклики сьогодення, будуть представлені в подальших виданнях серії, що вийдуть друком уже найближчим часом.

Петро Порошенко
23 квітня 2014 р.

НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ. «БРАТ У ВОРОТ»

ПРЕДЛАГАЕМАЯ вашему вниманию работа рассчитана на неторопливое чтение в мирное время. В ней масса доводов, в том числе исторических и статистических, того, что самые радикальные действия по смене власти и реформе институтов (правил) не имеют успеха, если обществом не усвоены социальные ценности, вызывающие у него насущную потребность в новой власти и в новых институтах. Сначала ценности, потом реформы, а наоборот не получается.

Поэтому для Украины европейская модернизация должна начинаться с усвоения социальных ценностей, формирующих общеевропейский социальный капитал и объединяющих столь разные народы в эффективную общность. В первую очередь и как минимум эти ценности предстоит усвоить в душе и в поступках активному мень-

шинству. Лучше всего это получается в процессе контроля власти, в давлении на нее организованно, непрерывно, длительно в относительно мирном легальном процессе.

И тут наступил Майдан. После Оранжевой революции это была вторая и, по-видимому, более удачная попытка реализовать коренные интересы и задачи набирающего силу «третьего со-словия»: в хорошо управляемом государстве, в зрелом гражданском обществе, в конкурентной экономике, в движении от русского мира к европейскому.

 Историческую важность победы Майдана убедительно подтверждает беспрецедентная реакция России, включая военную агрессию и оккупацию. Это не разовый эксцесс, а начало новой фазы действий по удержанию Украины в русском мире. Вегетарианский мирный период нашей новейшей истории закончился. Впереди напряженная, полная неприятных неожиданностей жизнь с агрессивным соседом.

Самый дешевый способ удержать Украину в русском мире – поддерживать перманентно нестабильность Украинского государства. Мы сможем победить в этой жестокой игре, найдя в себе

силы завершить переход в европейский мир и ценностно, и формально.

Ужесточение условий жизни, сужение окна возможностей делает задачу усвоения европейских социальных ценностей критически необходимой и (как это ни парадоксально звучит в отношении ценностей) – срочной. Это стало вопросом нашего выживания как независимой страны.

I. ПРОЛОГ

НАДЕЖДЫ

АВТОР хотел, чтобы читатели этого материала были гражданами, готовыми действовать для приближения желаемого будущего. Их – меньшинство, но у нас на памяти масса примеров, когда активное меньшинство ведет за собой пассивное большинство. Дело это, по правде сказать, обоюдоострое. Нужно быть очень осторожным и рассудительным, любить и жалеть не только весь народ, а и каждого человека в отдельности, чтобы не наделать бед.

В оправдание укажем, что мы не обсуждаем обреченную на неудачу задачу построения утопий вроде коммунистической Сталина, расистской Гитлера или красных кхмеров Пол Пота. Их строители бывают особенно жестоки. Наша задача – сделать более устойчивым и быстрым естественный процесс сближения Украины с Европой так, как это сделали наши восточноевропейские соседи, показавшие нам, что это не утопия.

С другой стороны, дискуссии, как, впрочем, и все другие формы познания, – дело необходимое, но предварительное, вспомогательное, если и приближают будущее, то опосредованно. А хотелось бы именно деятельности, начиная с активного меньшинства.

Этим материалом автор хотел бы добавить доводов и убежденности тем, кто понимает, что *оптимальным для Украины есть воссоединение с Европой. А сделать это реально, а не формально, можно лишь став европейцами, то есть, встроив (надстроив) их ценности, этические запреты, убеждения, поведенческие установки, стереотипы в украинскую идентичность, не отменив, но обогатив ее.*

Национальные характеры народов европейской цивилизации уникальны и хорошо различимы. Однако история выработала у них единую надсистему ценностей и человеческих качеств, определяющую общность европейского социального поведения, связанную систему институтов (правил, норм) и организаций, которая обеспечивает стабильность такого социального порядка.

Формальное заимствование европейских институтов и организаций, то есть формальное

реформирование, не прививается и не меняет гражданина, а наоборот, заимствованные институты искажаются, извращаются в угоду старому порядку.

Реформы могут быть успешными, если у значительной части граждан европейские цивилизационные ценности станут частью их личности и их поведения.

* * *

Между завершением этого текста (ноябрь 2013 г.) и подготовкой его к печати в Украине произошло и пока не завершилось (февраль 2014 г.) грандиозное социальное действие, затронувшее всю страну в тысячах эпизодов и получившее имя Евромайдан или просто Майдан. Последней каплей, вернее ударом, пробудившим эту лавину, был внезапный отказ власти от подписания длительно готовившихся и интенсивно властью же разрекламированных договоренностей с ЕС.

Независимо от будущих политических результатов Майдана, его мощь и острота конфликта обозначила скачок в развитии общества и одновременно усложнение и следующее за ним усиление социальных противоречий.

Майдан не изменит цели и задачи сторонников европеизации Украины, скорее обозначит их более четко. На наших глазах копившиеся в

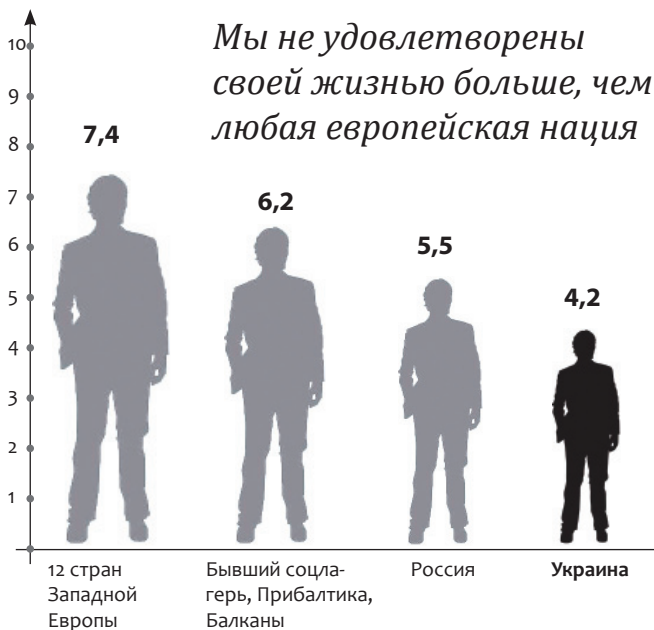
годы независимости изменения ценностей от Русского мира к Европе явственно проявляются в деятельности Майдана. Этому неожиданному результату посвящено послесловие.

МЫ НЕДОВОЛЬНЫ

ГРАЖДАНЕ Украины хронически недовольны своим государством и жизнью в нем. Чувства эти достаточно стабильны на протяжении двух десятилетий, может быть, за исключением некоторого всплеска надежд в 2005–2006 гг. после Оранжевой революции. Но через пару лет все вернулось на круги своя.

Нашим гражданам более всего недостает соблюдения законов и вообще порядка (приблизительно 70% недостает и лишь 7% довольны) (1). Доверие граждан к власти исполнительной и законодательной менее чем удовлетворительно (менее 3 баллов по 5-балльной шкале). Еще меньше доверия к правоохранительной системе (менее 2,5 балла) (2). В школе с такими оценками наше государство было бы второгодником.

Мы не удовлетворены своей жизнью больше, чем любая европейская нация. По 10-балльной шкале уровень удовлетворенности жизнью граждан двенадцати стран Западной Европы дости-

гает 7,4 балла, двенадцати других европейских стран (бывший соцлагерь, Прибалтика, Балканы) – 6,2 балла, в России – 5,5, в Украине – 4,2 (3).

Граждане растеряны, утратили ценностные ориентиры, доверие к людям. Около 80% граждан согласны с утверждением «большинство людей ни во что не верит», столько же – «все так неустойчиво, что может случиться что угодно», около 70% – «большинство людей способны на нечестный поступок ради выгоды», примерно 50% – «не понимаю, что к чему», столько же – «никому не доверять – самое безопасное» (4).

Такая реакция граждан вполне ожидаема и является естественным ответом на катастрофически быстрый развал привычного мира, социального устройства жизни.

Исчезло патерналистское государство, тотально контролировавшее, но и по-своему, без особой сноровки, заботившееся о нас как о нерадивых подростках, определяя меру нашей свободы выбора и удовлетворения желаний. Исчезла советская централизованная система хозяйствования, которая могла существовать только при наличии неформального теневого рынка, где по свободным ценам торговалось все, включая договорные отношения, назначения, распределения государственных ресурсов – вплоть до административных решений самого высокого уровня. Прекратилось доминирование уравнительной и потому утопичной и фальшивой коммунистической идеологии. Но за три поколения насильственного внедрения эта идеология сформировала в нас двойную мораль, научила обыденно принимать несовместимые друг с другом высокие идеалы и аморальную тоталитарную практику, выводя противоречия за пределы круга нашего внимания.

Эта кричащая двойственность за семь десятков лет причудливо изменила нашу систему ценностей, внутренних запретов, установок,

стереотипов. К концу существования СССР этот двойственный образ жизни мало кем был любим, но оставался привычным, предсказуемым и потому по-своему удобным.

Новый мир появился не в результате «революционной борьбы масс», он свалился на граждан неожиданно как внешний фактор мирового развития, как результат поражения советского социализма в конкурентной борьбе экономик. Это была не просто замена, а именно отрицание старого. Вместо «великой и ужасной» советской империи – слабое Украинское государство. Вместо демонстративной уравниловки, возведенной в моральный императив, – безудержная погоня за богатством немногих и отчаянная борьба за выживание большинства. Частное предпринимательство из уголовного преступления становится образцом, стержнем новой жизни. Привычные ограничения были сняты, свобода выбора формально расширилась взрывообразно. Мир открылся со всеми своими неведомыми нам опасностями, из клеток и вольеров нас выбросило в дикий лес, где за наработку новых навыков жизни приходится дорого платить, часто самой жизнью.

Все мы согласны, что выросшая в нашей новой стране рыночная экономика и демократия мало похожи на знакомую, пусть поверхностно, систему капитализма, основанную на за-

падноевропейских цивилизационных координатах, а именно: на либеральной демократии, реализуемой правовым государством, активном гражданском обществе, на консолидированной политической нации, социальной рыночной экономике, на высоком уровне социального и человеческого развития.

Почему у нас так не получается? Очевидно, что смена социально-экономических систем в одночасье не происходит. Но два десятилетия и четыре президентские команды могли бы продемонстрировать позитивную динамику в движении к европейским стандартам. Она нами не чувствуется.

По экономическому развитию (что легче всего измеримо) мы отстаем не только от наших бывших партнеров по социалистическому лагерю, но и от бывших советских республик. Украина не преодолела последствий развала советской экономики. На фоне деиндустриализации, увеличения доли сырьевых производств ВВП страны и сегодня ниже 70% уровня 1990 г. Россия превысила уровень 1990-го в 2007 г., Латвия и Литва – в 2005 г., Армения и Казахстан – в 2004 г., Беларусь – в 2003 г., Эстония – в 2000 г. (5)

В 1990 г. по ВВП на душу населения с учетом различий в ценах (ВВП по ППС) Украина была второй среди стран будущего СНГ после России. В 2012 г. Украина сместилась на 6-е место, про-

пустив Беларусь, Казахстан, Азербайджан и Туркменистан. Если в 1990 г. значение этого показателя в Украине составляло 67,6% российского, то в 2012-м – 42,1% (6).

Это – легальные показатели, не учитывающие теневую экономику. Может быть, мы богаты теневой экономикой?

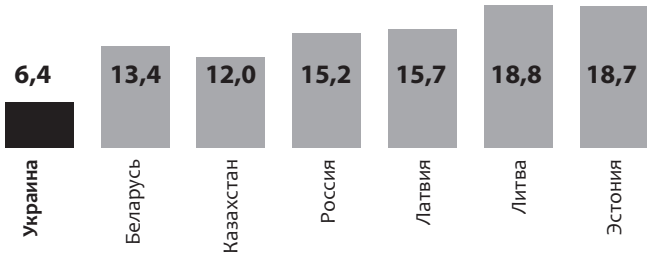
Но, во-первых, большая теневая экономика характерна для всех наших соседей по бывшему СССР.

Во-вторых, миллионы граждан живут в основном на государственные зарплаты, пенсии и пособия. Они в полной мере ощущают на себе бедность нашей легальной экономики.

В-третьих, предположим с очень большим перехлестом, что теневая экономика Украины равна легальной, а у наших соседей ее вовсе нет. Тогда ВВП по ППС на душу населения для Украины в 2012 г. был бы равен: 6,4 тыс. долларов США умножить на 2 – итого 12,8, по сравнению с легальной экономикой Беларуси – 13,4, Казахстана – 12,0, России – 15,2, Латвии – 15,7, Литвы – 18,8, Эстонии – 18,7 (6). Как не утешай себя преувеличенной подушкой теневой экономики, мы страна бедная, а по многим фундаментальным потребностям – обедневшая.

Так, в расчете на одного человека в 2012 г. по сравнению с 1990 г. снизилось потребление: мяса с 68 до 54 кг, молока и молочных продук-

ВВП по ППС на душу населения в 2012 г., тыс. долларов США

тов с 313 до 215 кг, рыбы с 17,5 до 13,6 кг.(7). В целом если на питание одной семьи уходило в 1990 г. приблизительно 30% ее дохода, то в 2012-м – более 45% (8).

Резкий контраст между ожидаемыми благами капитализма («как в Европе») и реальностью депрессивен. Теми, кто не видит выхода, овладевает либо социальная апатия, либо протестная агрессия, как правило, направленная на действующую власть.

А перед теми, кто не верит в исторические тупики, стоит задача найти реалистичные технологии достижения желаемых перемен, способы неразрушающего социального действия.

ИЩЕМ ПРИЧИНЫ

ТАКОЙ поиск невозможен без понимания причин того, что с нами происходит. По-

нимание причин помогает действовать активно, найти точки и способы влияния на социальный процесс. К тому же знание реалистичного пути работает как антидепрессант, что немаловажно в условиях всеобщего трансформационного стресса.

Нужно, однако, признать, что поиск причинно-следственных связей в социальных процессах всегда был делом неточным и потому субъективным. Ситуация улучшилась с созданием исследовательской сети World Values Survey (WVS), изучающей изменения ценностей и их влияние на развитие обществ, стран, государств. Такие выборочные обследования проводятся волнами, шесть волн осуществлено с 1981-го по 2013 г. Они охватывали на максимуме 90% населения Земли (9). Эти исследования позволили утвердиться гипотезе, по которой *именно ценности, убеждения обычных людей являются определяющим фактором различий в развитии стран**.

И все же, сколь бы массовыми ни были подобные обследования, какую бы тесную корреляционную связь между социальными явлениями они ни обнаружили, инструкциями для реформаторов в отдельной стране они служить не могут. Такова природа корреляционного анализа.

---

* Подробнее об этих исследованиях см. подраздел «Последовательность человеческого развития»

Он устанавливает связь, но не доказывает отношения причины и следствия исследуемых факторов. К тому же причина связи может быть за пределами анализируемых факторов.

Например, показана связь между богатством страны и преобладающей в ней (религиозной) конфессией.

В христианском мире в среднем наиболее богаты протестантские страны, меньше – католические, менее всего – православные.

Но остаётся открытым вопрос влияния внешних причин на эту связь. Известно, что все православные страны входили не по своей воле в состав Османской или Российской империй. Несомненно, это оказало определяющее влияние на национальный характер народов этих стран и, вероятно, на характер самого православия.

Далее, закономерности, обнаруженные в массовом процессе для совокупности стран, некорректно распространять на индивидуальную судьбу (отдельной страны).

Наконец, в любой большой социальной системе сильные обратные связи постоянно перемешивают отношения причины и следствия. За что ни возьмись – высокий уровень человеческого капитала обеспечивает богатство жизни, что, в свою очередь, повышает этот уровень. Или – общественные институты, нормы работают лишь в случае их соответствия ценностям общества,

а эффективная работа этих институтов служит для граждан важным фактором подтверждения действительности и истинности ценностей.

Так что, хотя каждое общество развивается в поле закономерных причинно-следственных связей, но по своему уникальному сценарию. Представляется, что шансы на успех имеют те попытки корректировать динамику общественной жизни, которые совместно учитывают и общие закономерности, и уникальный сценарий.

К тому же гипотеза доминирования закономерных причинно-следственных связей для объяснения течения истории далеко не единственная и обывательски далеко не самая привлекательная. История в ее ключевые моменты трактуется ими как случайное сочетание факторов, или как удовлетворение личных амбиций героев (по Дюма), или как следствие заговора, многоходовой комбинации злой воли. Еще проще – в истории кто-то персонально виноват, и замена властителей решит проблемы хорошего, но обманутого и/или изнасилованного народа.

Так что сторонникам активных действий для приближения желаемого будущего придется отказаться от идеи найти соответствующую инструкцию, а понадобится размышлять, используя максимально широкий объем знаний

в значительной мере междисциплинарного характера о себе, своей стране и мире.

Задача трудна, но перспективы ее решения увлекательны. Если прошлое нас разъединяет, то хорошо работающие технологии приближения желаемого будущего могут сами по себе объединить.

Автор – сторонник гипотезы доминирования закономерных причинно-следственных связей в развитии стран и надеется, что представленный материал поможет деятельным гражданам в поиске точек приложения усилий и реалистичных способов приближения желанного будущего.

II. СЦЕНА

НЕУДАЧИ КОПИРОВАНИЯ

В КОНЦЕ 80-х и в 90-х годах во всем мире – в бывшем соцлагере, в Азии, Латинской Америке – развивающиеся страны начали процесс экономических реформ, имевших целью воспроизвести рыночные отношения, характерные для большинства развитых стран. В основе этих реформ лежал «Вашингтонский консенсус» – рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка, направленные на усиление рыночных сил и снижение роли государства в экономике.

Достаточно быстро обнаружилось, что *при отказе от командных методов регулирования экономики в странах, не подготовленных эволюцией к могучей игре рыночных сил, создается социально-экономический порядок,*

разительно отличающийся от развитых стран.

Взрывообразно росли политическая и экономическая коррупция, теневая экономика, усиливались или формировались заново олигархические отношения, молодую конкуренцию ограничивали объединенными усилиями коррумпированные власть, криминалитет, сами предприниматели.

В связи с этим набор рекомендаций для реформаторов постепенно менялся, основной акцент делался на повышении эффективности институтов, регулирующих рыночные процессы, защиту собственности и соблюдения договоров, деятельность финансовых рынков, корпоративные отношения, на поддержку конкуренции и борьбу с монополиями. «Вашингтонский консенсус» постепенно превращался в «Поствашигтонский консенсус».

Но реформы как копирование институтов развитых стран (от верховенства права до корпоративной этики, от выборности важнейших государственных должностей до защиты конкуренции) получались далеко не у всех.

Скажем, у Чехии, Польши, Словении, Эстонии получалось близко к оригиналам, у Болгарии с Румынией похуже, а у республик бывшего Советского Союза (без Прибалтики) – не получалось. Действующий у них социальный порядок

извращал адаптируемые нормы, а более всего их применение. Не то, чтобы реформы вовсе не действовали. Часть новых норм приживалась, но в процессе адаптации находились новые методы их корыстного использования, тем самым сохранялось содержание старого порядка.

Чем же отличаются неудачники от победителей? То ли реформы неудачники делали не так решительно и системно, то ли потому так делали, что социальная среда отторгала навязанные новые институты. И что же такое в социальной среде так успешно отторгает реформы? Не разберемся с этим, будем болезненно повторять пройденные ошибки.

Мне такая задача представляется пьесой со сложно закрученной интригой: все связаны со всеми. На сцене – постоянно идущая пьеса социальной жизни и ее основные участники: организации, главная организация – государство, его институты, элиты, рядовые граждане. Посмотрим эту пьесу со стороны, из зала.

Описание отношений актеров заимствовано автором у выдающихся современных исследователей общественной динамики Дугласа Норта (10) и Рональда Инглхарта (11). Их работы представляются наиболее доказательными. Упрощения и дополнения – на совести автора, поскольку являются результатом его размышлений.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

ФАКТ объективной ограниченности ресурсов является стержнем экономических отношений в обществе. Неограниченные ресурсы не продаются и не покупаются. Установленный порядок использования ресурсов, точного определения границ и охраны накопленной собственности предопределяет уровень и динамику производительности их использования и, соответственно, богатства общества. Чем четче установлены права собственности и дешевле эти права охранять, тем проще внедрять инновации и накапливать богатство.

На определенном этапе развития общества, накопления и дифференциации богатства хаотическая или упорядоченная обычаям охрана собственности становится недопустимо громоздкой и дорогой, и у собственников возникает необходимость в государстве, которое берет на себя функцию установления законных границ собственности и их защиты путем введения монополии на насилие.

Насилие в широком смысле слова понимается как принуждение, обеспечивающее господство одной воли над другой. В зависимости от взглядов на природу человека такое «естественное государство» представляется и описывается либо

как справедливый третейский суд, либо как орудие господства правящих социальных групп.

Книга Дугласа Норта с соавторами «Насилие и социальные порядки» (10), вышедшая в 2009 г., обобщает и широчайшим историческим анализом подтверждает вторую точку зрения.

Авторы представили итоги анализа как новую концепцию социально-экономической истории человечества. Ключевая категория этой концепции – «социальный порядок» как фундаментальный способ организации общества. Решение проблемы насилия лежит в основе социального порядка, вводящего насилие в организационные рамки, обеспечивая предсказуемость его применения, в том числе защиту от незаконного насилия.

Анализируя историю десятков государств и их институтов через века и культуры, авторы утверждают, что все государства на протяжении тысячелетий и преобладающее большинство современных государств организованы в соответствии с «порядком ограниченного доступа».

Порядок ограниченного доступа обеспечивается союзом, коалицией или, если угодно, сговором наиболее сильных и влиятельных групп элит для контроля и ограничения доступа субъектов, не включенных в эти элиты, к жизненно важным функциям, наиболее прибыльным видам деятельности и ценным ресурсам,

будь то производство, торговля, эксплуатация природных ресурсов, силовые структуры, правосудие, медиа или образование.

Именно всеобщность распространения таких государств во времени и пространстве и закономерный характер их возникновения делает их *«естественными государствами»*.

Цель контроля над эффективными ресурсами и ограничения доступа к ним – получение коалицией элит ренты, монопольного сверхдохода.

Получение и распределение ренты связывает между собой членов коалиции, обеспечивает ее устойчивость, предотвращает неконтролируемое насилие членов коалиции внутри неё и вовне.

Освобождение от неконтролируемого насилия, поддержание гражданского мира примиряют население страны с такой системой и даже легитимизируют ее. Этому способствует широкое распространение, даже господство иерархических отношений типа патрон-клиент, обеспечивающих последним дополнительные блага и защиту (вместо Закона или параллельно ему).

Вообще *господство личных отношений является определяющей чертой естественного государства*.

Личные отношения не обязательно предполагают личное знакомство. В многомиллионном

государстве это далеко не всегда возможно, хотя в рамках элитной коалиции личные знакомства преобладают. В иных случаях достаточно иметь достоверные сведения о человеке.

Личные отношения обеспечивают устойчивость личных привилегий – формальных и неформальных – как основного способа получения ренты. Место в переплетении личных взаимосвязей фиксирует социальный статус человека, предопределяет масштаб и характер его привилегий. Право, правовая система обслуживает и охраняет личные привилегии. Любые законы либо прямо позволяют это, либо их применение избирательно.

Поучительно поставить вопрос о месте коррупции в естественном государстве. Простейшее определение коррупции – злоупотребление властью (распределять, допускать, разрешать, лишать, наказывать) ради личной выгоды. С этой точки зрения вся конструкция естественного государства ориентирована на коррупцию. В таких условиях занимательно выглядят призывы власти к решительной борьбе с коррупцией. Впрочем, борьба с коррупцией вне контроля власти вполне может быть даже агрессивной. Это и понятно. Всякий чиновник, собирающий свою локальную ренту, – потенциальный саботажник по сбору ренты для властной коалиции.

Господство отношений ограниченного досту-

па, социальных иерархий, избирательности Закона определяет образ жизни рядового человека, убеждает его в неустранимости неравенства, впечатывает эти установки в стереотипы поведения, что, в свою очередь, поддерживает устойчивость *естественного государства*.

Интересы членов коалиции реализуются через организации: государственные, связанные с государством и поддерживаемые им. Организации являются любые объединения индивидов, координирующих действия для реализации своих интересов. Это касается любых видов деятельности, включая политику и предпринимательство. Положение лидера организации, его статус и личные связи определяют статус, значимость и привилегии организации. *Естественное государство* может нейтрально (но все равно настороженно) относиться к независимым организациям, не претендующим на власть и ренту и не стремящимся ограничить их. В противном случае оно будет стараться уничтожить этих внекоалиционных соперников. Коалиция элит будет также враждебно относиться к любым факторам, реально или потенциально ограничивающим ренту, будь то неконтролируемая коалицией теневая оплата труда или, скажем, свободная продажа оружия населению.

Подчинение правовой системы интересам власти побуждает субъектов предпринимательства

параллельно заниматься политикой для защиты собственности и исполнения контрагентами контрактов. Партии объединены экономическими интересами, участие в их финансировании служит необходимым условием защиты бизнеса. Экономика слита с политикой. Политика манипулирует экономикой, а та обеспечивает получение ренты и тем самым поддерживает политический статус-кво.

Однако *естественное государство* – это порядок ограниченного, а не закрытого доступа. Время необратимо меняет структуру общества и капитала, появляются новые сильные бойцы за власть и властную ренту. Эта борьба тотальная, в ход идут все средства от криминала до политики. Политическая борьба за ренту вполне может быть оформлена в демократических процедурах. Отличие этой борьбы от реальной демократии ярко проявляется в издержках поражения – они непропорционально велики и жестоки. На кон ставятся состояние, свобода и, не так уже редко, жизнь проигравших.

Властная рента – главный приз, как это часто бывает, одновременно и основная причина слабости естественных государств.

Они консервативны, антидинамичны по определению. Для властной коалиции главная за-

дача – любым способом сохранить статус-кво, обеспечить непрерывное и, как минимум, не уменьшающееся поступление ренты. И всякая неконтролируемая новация – технологическая, организационная, политическая, социальная – потенциально опасна, так как может создать новых претендентов на ренту или, того хуже, уменьшить ее размер.

Конкуренция любого вида – главный враг порядка ограниченного доступа, а организованная или поддерживаемая властью монополия – основа его существования.

Не будучи ориентированы на инновационное развитие, *естественные государства* по природе своей малоадаптивны.

Динамичность рождает устойчивость (по аналогии с движущимся велосипедом). Динамичность непрерывно рождает технологии эффективной реакции на вызовы: творческое генерирование множества вариантов ответов, культуру договора и компромисса у конкурирующих сил, инструменты быстрой, но неразрушающей реакции на эксцессы.

Не имея такого арсенала, *естественные государства* неустойчивы. Поэтому для них циклические кризисы разрушительны, экономический рост нестабилен, социальные и политические конфликты носят характер перманентных боевых действий.

ПОРЯДОК ОТКРЫТОГО ДОСТУПА

ЕДИНСТВЕННАЯ (до настоящего времени) альтернатива естественному государству утвердилась в XIX веке в процессе развития западноевропейской цивилизации (в странах Западной Европы и их «дочках»: США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии). Во второй половине XX века к таким странам присоединяются (то есть находятся в процессе) несколько стран Юго-Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) и в последние годы – постсоциалистические страны Восточной Европы (такие как Словения, Чехия, Эстония).

Социальный *порядок открытого доступа* обеспечивает всем равные возможности для занятия любым видом деятельности, отсутствие личностных ограничений на осуществление этого права. Личные привилегии, таким образом, уступают место равенству возможностей, выбор кандидатур на основе личных отношений заменяется безличностным отбором по критериям эффективности.

Равенство возможностей ложится в основу соответствующих убеждений, установок и ценностей.

На основе таких убеждений активно функ-

ционирует гражданское общество как плотная и взаимопереплетенная сеть самостоятельных независимых от государства организаций. Государство лишено возможности препятствовать их функционированию, а общество в состоянии поддерживать постоянное существование таких организаций независимо от политических обстоятельств и смены их лидеров.

Равенство возможностей граждан институализируется Законом и обеспечивается реально практикуемым верховенством права.

Такие отношения распространяются на экономику, что обеспечивает эффективность установления, фиксации и защиты прав собственности и неотвратимость соблюдения контрактов. Политики не могут безнаказанно манипулировать экономикой. С другой стороны, предпринимателям нет необходимости для защиты бизнеса совмещать это занятие с политикой.

Фундаментальной основой, движущей силой и главным фактором стабильности порядка открытого доступа является конкуренция в экономике и политике, закрепленная в установленных Законом рыночных и демократических процедурах.

Более того, поддержка честной конкуренции, борьба с ее извращениями и монополией в эко-

номике и политике вменена в обязанность государству. Впрочем, попытки ограничить доступ к определенным видам деятельности, получить личные привилегии, формальные и неформальные, не прекращаются. Видимо, это заложено в природе человека. Но всепроникающая конкуренция, действующая одновременно и в экономике, и в политике и поддерживаемая всей системой институтов *порядка открытого доступа*, минимизирует потери общества от таких попыток.

Конкуренция стимулирует динамичность социальных процессов и, соответственно, повышает готовность государства и граждан к ответу на вызовы времени. Повторим, дело не столько в психологической готовности, а в инновационной атмосфере, свободе самовыражения и инициативы, в непрерывном создании и обновлении инструментов развития и адаптации во всех слоях общества. Высокий динамизм и адаптивность обеспечивают устойчивость и безопасность страны, ее граждан и снижает потери неизбежных кризисов и конфликтов.

Свобода и равенство прав, будучи высшими ценностями сами по себе, оказываются весьма практичными с точки зрения конкурентоспособности, устойчивого роста страны и качества жизни ее граждан.

Вряд ли найдется много людей, даже теоре-

тически предпочитающих жить в «естественном государстве», а не при *порядке открытого доступа*.

Украинский опыт недву­смысленен: даже те, кто получает властную ренту, предпочитают иметь жилье подальше от мест ее получения и пользоваться всеми благами порядка открытого доступа.

Для европейца социальный порядок «естественного государства» представляется не только преступным, но и уни­зительным, варварским пережитком, болезнью.

Но порядок, распространяющийся на большинство человечества, невозможно назвать болезнью или преступлением.

Реальный выбор социального порядка, перемена с этой целью страны проживания малодоступны и слишком тяжелы для большинства.

Общечеловеческие ценности подсказывают рядовым гражданам «естественного государства», что его порядок аморален, несправедлив, а реальная жизнь корректирует: «да, грех, но приемлемый, терпимый», привычка даже услужливо подсказывает преимущества такой жизни.

И он сам участвует в таком порядке, ежедневно воспроизводя его. Что не мешает ему мечтать о перемене социального порядка, не слишком,

впрочем, задумываясь о всех противоречиях мечты о всеобщей справедливости.

Видно, что и авторам концепции социальных порядков нравится *порядок открытого доступа*. Это придает его описанию оттенок идеализации. Очевидно, что описанные модели (особенно жесткое противопоставление социальных порядков) по природе своей – упрощенное отражение реальности. В социальной практике их характеристики перемешаны, и идентификация социального порядка в конкретном государстве зависит от степени доминирования признаков ограниченного или открытого доступа.

Является ли *порядок открытого доступа* закономерным будущим для «естественных государств»? Авторы концепции отказываются от обсуждения этого вопроса, рассматривая такой переход некоторых европейских и южно-азиатских стран как флуктуацию, уникальное стечение культурно-исторических обстоятельств. То есть, переход не является неизбежным. И то сказать, *порядок открытого доступа сформировался приблизительно 150 лет назад в ограниченном круге западноевропейских стран, а «естественным государствам» – 5–6 тысяч лет и им принадлежит практически весь мир.*

Кажется, рано делать выводы о закономерности развития *порядка открытого доступа* в мире. Тем более что человечеству подбрасывают и другие модели с не столь жесткой экономической и политической конкуренцией в основе: рыночный социализм, китайская модель.

ПЕРЕХОД

ПЕРВОПРОХОДЦАМИ в переходе от «естественного государства» с порядком ограниченного доступа к порядку открытого доступа были страны западноевропейской цивилизации: Великобритания, Франция, Голландская республика (две приморские провинции современных Нидерландов) и Соединенные Штаты Америки.

Ни внешние причины, ни силовое давление внутри стран не заставляли их властные элиты осуществить этот переход. Не могло быть у них подобных реформаторских планов, так как еще не было прецедента. Они были первопроходцами и не знали конечного результата. Их вел собственный интерес, формирующийся логикой социально-экономического развития своих стран.

Пороговые условия для перехода формирова-

лись сотни лет, что было частью процесса развития западноевропейской цивилизации. Авторы концепции выделяют три важнейших условия перехода. Страны-первопроходцы выполнили эти условия в первой половине XIX века.

Первое. Верховенство права для элит. Это означает наличие развитой судебной системы, специализированной судебной бюрократии, правил и процедур, признаваемых всеми элитами. Решения должны быть обязательными и, главное, беспристрастными. *Законы не обязательно справедливы, но справедливо их применение* (напомним, в отношении элит).

В новых условиях права, одинаковые для всех членов элит, защищать становилось легче, надежнее и безопаснее, чем персональные уникальные привилегии.

Второе. Бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах. Условие это касается и самого государства с его структурами и всех организаций в экономике. «Бессрочно» означает, что деятельность этих организаций преемственна и независима от состава его членов и смены лидера. Так, заключая соглашение с организацией, вы можете быть уверены, что его выполнение не зависит от смены ее главы.

Третье. Консолидированный политический контроль над вооруженными силами. То есть, военным позволено решать вопрос, как воевать. А с кем, когда и сколько на это потратить – решает легитимная политическая власть.

После соблюдения пороговых условий сам переход к порядку открытого доступа происходил несколько десятилетий, и к концу XIX века его черты стали заметными, а затем доминирующими в странах-первопроходцах.

На протяжении XX века к первопроходцам присоединились практически вся Западная Европа, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Переход стран Восточной Европы был остановлен после Второй мировой войны экспансией Советского Союза.

Что изменило поведение элит западноевропейской цивилизации и сделало выгодным для них переход к порядку открытого доступа? Не всемирно-исторические закономерности, а неповторимая динамика именно этой цивилизации, уникальная история конкретных стран. Что стоит за этими общими словами?

Рост государств вследствие непрерывных войн и колониальной экспансии, Просвещение и научная революция от Коперника до Ньютона, технические новации, Промышленный переворот, распространение в обществе убеждений о равенстве прав граждан. Все вместе и

многое другое. Все взаимосвязано и увязано в общий поток.

Авторы знают, как было, но достаточно ответственные, чтобы не предсказывать, как будет.

Нет никакой мировой неизбежности в наступлении порядка открытого доступа. Более того, исторические события вполне могут задать и обратный ход, как в нацистской Германии.

Так что пассивные любители подарков эволюции могут ждать до бесконечности.

С другой стороны, к огорчению реформаторов, самые системные реформы не помогут, если общество к ним не готово. «Если эти институты навязываются обществу... и... они не соответствуют существующим представлениям об экономических, политических, социальных и культурных системах, то новые институты наверняка будут работать куда хуже тех институтов, которые они замещают» (10, с. 438).

Однако эти выводы сделаны из анализа процесса эволюционного формирования порядка открытого доступа стран западноевропейской цивилизации.

Но в современной истории есть два эпизода заимствования странами по-

рядка открытого доступа: страны Юго-Восточной Азии во второй половине XX века и посткоммунистические страны Восточной Европы в конце XX – начале XXI века.

У каждой из этих двух групп были общие черты, позволяющие, по крайней мере, размышлять, почему в одно и то же историческое время в одном и том же месте Земли несколько стран успешно заимствуют рожденный западноевропейской цивилизацией порядок открытого доступа.

ПЕРВАЯ ГРУППА

Страны Юго-Восточной Азии: Китайская Республика (Тайвань), Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг.

Конечно, у каждой из этих стран, как и у всех других, уникальная история развития. Но сосредоточимся на общем для них.

■ Все эти страны находятся в конфуцианском цивилизационном ареале. В период развития население сохраняло этико-мотивационный комплекс конфуцианства: трудовую этику, поощряющую напряженный систематический труд, терпение и самодисциплину, способность

к коллективной работе и ответственности, престижность образования. В отношениях с государством – законопослушание, престижность бюрократии, отношение к государству как к органичной и благой силе. С другой стороны, традиции служения у бюрократии, живая этика власти, определяемая понятиями «долг – гуманность». Такое сочетание традиций и экстремальной ситуации, по-видимому, мобилизовало и объединяло народы, а не озлобляло и разъединяло, как можно было бы ожидать.

Новейшая история упомянутых стран приводит к заключениям, которые читатель может воспринимать как выводы или как гипотезы, стимулирующие к дальнейшим размышлениям.

■ К началу перехода история поставила каждую из этих стран в экстремальную ситуацию, грозящую существованию страны. Военное поражение, оккупация, агрессивная внешняя угроза, обретение независимости без каких-либо ресурсов. Мобилизационное напряжение народа являлось естественной реакцией в этих ситуациях.

■ Власть на протяжении десятилетий проводила далеко не всегда либеральную, но ответственную и преемственную политику развития. Коррупция в некоторых из них развита до сих пор, но она не парализует такую политику.

Применяемые методы стимулирования раз-

вития резко отличаются по странам по степени вмешательства государства, но к началу XXI века все они имеют высоколиберализованные открытые конкурентные экономики (и высокие места в соответствующих рейтингах). Политика реформ или, иначе, реформаторское давление длилось десятилетиями, но и сработало. Общество восприняло, адаптировало и эффективно использует рыночные институты развитых стран.

■ Они были бедными в 50-е годы XX столетия, и вышли на уровень самых богатых стран мира в 90-е.

■ В начале и большую часть этого периода ими управляли авторитарно, юридически и/или фактически. К началу XXI века, достигнув богатства, эти страны создали все формальные институты демократии, но конфуцианские традиции авторитарной меритократии действуют, конкурентность в политическом процессе слаба. Все это мало похоже на европейскую либеральную демократию.

■ Чужие институты (и организации) были, а значит, могут быть успешно адаптированы обществом, которое не подготовлено к этому эволюцией при таких условиях:

– реформаторское давление длительно (десятилетия), преемственно и системно. Это условие обеспечивается соответствующей культурой власти;

– культура населения предполагает доверие к власти, терпимость к ее действиям и высокую трудовую этику.

■ Упомянутые выше страны не формировали свой оригинальный порядок открытого доступа, а заимствовали европейские рыночные институты и организации, удачно вписав их в свою культурную ткань. В отношении демократии так не получилось. Однако в условиях высокого уровня богатства этих стран они медленно приближаются к демократическим стандартам, трансформируя свои культурные традиции. Какая конфигурация демократии получится, покажет время.

ВТОРАЯ ГРУППА

 Страны Восточной Европы, попавшие в сферу влияния Советского Союза в результате Второй мировой войны.

Перечислим восемь таких стран первого призыва в ЕС в 2004 году, расположив их по уменьшению уровня валового внутреннего продукта на душу населения с учетом различий в ценах, то есть, по паритету покупательной способности (ВВП по ППС) в тысячах долларов США (данные Всемирного банка за 2012 г.) (6): Словения – 24,4; Чехия – 23,8; Словакия – 21,3; Литва – 18,8; Эстония – 18,7; Польша – 18,3; Венгрия – 17,0;

Латвия – 15,7. Для сравнения, максимальные показатели среди западных стран – членов ЕС: Люксембург – 66,8; Ирландия – 38,5; Австрия – 36,6; минимальные: Португалия – 21,0; Италия – 26,3; Испания – 26,5.

Украина – 6,4.

Отметим, что критерии для вступления в ЕС в сущности описывают пространство порядка открытого доступа (плюс технические подробности).

Значит, пятнадцати лет нахождения вне коммунистического блока было достаточно для начала перехода из «естественного государства» советского блока к порядку открытого доступа.

Без экстремальных ситуаций, опасных для существования страны, без авторитарного реформаторского насилия.

Что касается экономики, её конкурентоспособности и уровня развития, восточноевропейские страны приняты в ЕС авансом. Но приведенные ранее данные показывают, что сближение происходит довольно быстро. За восемь лет (2004–2012 гг.) средний уровень валового внутреннего продукта на душу населения с учётом различий в ценах (ВВП по ППС) вырос в перечисленных странах Восточной Европы по сравнению с че-

тырнадцатую западноевропейскими странами, вступившими в ЕС в 1957–1995 гг., с 48% до 62% (12).

Причина успеха лежит на поверхности. Эти страны были до Второй мировой войны Европой с сопоставимым с западноевропейцами уровнем экономики и демократии.

На успешность перемен, несомненно, работает живое цивилизационное единство и эволюционная память. Сорока лет оказалось недостаточно для их убийства. Возвращение к своим – будущее членство в ЕС было достаточно сильной мотивацией для консолидации наций, а значит, для проведения реформ. А само членство в Европейском Союзе, постоянное бюрократическое давление по соблюдению европейских стандартов – хороший механизм адаптации населения к новому социальному порядку.

«ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

ЭТО подзаголовок упоминавшейся книги Рональда Инглхарта и Кристиана Вельцеля (11). У них мы ищем доказатель-

ный ответ: почему так сложно перенести в неподготовленную среду заведомо более эффективные институты и организации? Конкретно, почему у нас в Украине системные реформы не проводят, и если проводят, то плохо, а если случайно хорошо и системно – все равно всё извращается.

У стран Западной Европы формирование порядка открытого доступа – это естественный процесс их развития. Порядок открытого доступа – естественно рожденное дитя этой конкретной цивилизации. Для стран Восточной Европы – это возвращение к своему естеству. У стран Юго-Восточной Азии в наличии подходящие цивилизационные параметры другой цивилизации и уникальные исторические обстоятельства (то, что называют окном возможностей), позволяющие осуществлять реформационное давление (или, если угодно, насилие) непрерывно десятилетиями.

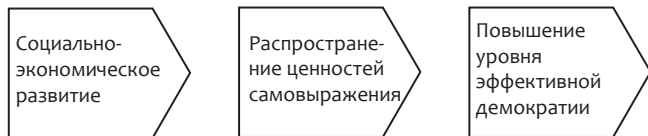
А как же мы? У нас всего перечисленного выше нет. Что нам менять, чтобы эффективные институты приживались и было кому это делать? Посмотрим вслед за Инглхартом всю причинно-следственную цепочку развития.

У Норта в центре внимания институты, организации, отношения, ими регулируемые. Важность ценностей в социальной динамике не забывается, но и не выходит на первый план. Для Инглхар-

та они являются целью исследований. То есть, он изучает роль в социальной динамике ценностно-мотивационного комплекса человека – ценности, внутренние нормы, убеждения, верования, запреты, стереотипы. Исследуется социально-экономическое развитие по данным социологических опросов 1981–2001 гг., проводившихся в 81 стране, где проживает до 85% населения планеты.* Основной вывод исследований: постиндустриальное «общество знаний» повышает роль определенных ценностей: личной независимости, самовыражения и свободы выбора.

Утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество... (11, с. 11).

Причинно-следственная цепочка такова: социально-экономическое развитие ведет к распространению ценностей самовыражения, а они, в свою очередь, способствуют повышению уровня эффективной демократии (11, с. 414).

* Речь идет о ранее упоминавшихся исследованиях World Service Survey, инициатором которых был Роналд Инглхардт.

Ценности, пусть медленно, но меняются под влиянием жизненного опыта, и указанная цепочка работает так:

накопленное страной в процессе индустриального развития богатство позволяет гарантировать гражданам блага достойного физического существования, вследствие чего внимание граждан переносится на ценности самовыражения (самореализация, качество жизни, участие, сочувствие, свобода выбора...), что создает влиятельный спрос на более человечную демократию, меняя, соответственно, ее институты.

Ценности, таким образом, служат необходимым передаточным звеном между социально-экономическим развитием и новыми институтами. Можно ли распространить эти выводы с современного постиндустриального процесса на процесс европейской модернизации?

Если сопоставить факты европейского Нового времени, то аналогичная роль культуры, новых ценностей просматривается.

Экономическое развитие сопровождается взлет культуры XIV–XVIII веков: мы наблюдаем развитие института защиты частной собственности, распространение наемного труда, развитие и умножение инструментов финансовых рынков.

И параллельно: Возрождение (XIV–XVI ст.), протестантская Реформация (XVI – XVII ст.), Просвещение (XVII – середина XVIII ст.), научная революция от Коперника до Ньютона.

Формируется человек Нового времени. Уходит в прошлое стабильность как основная ценность, сакральность традиции, власти, авторитета, нормативный коллективизм.

Побеждает светскость, индивидуализм, активность, вера в прогресс, человек ставится в центр мира.

Трудно представить себе, что стержневое событие европейской модернизации – Промышленный переворот XVIII века – был следствием лишь

технических новаций. Мы не можем провести социологические опросы граждан того времени, но то, что Промышленный переворот осуществлял новый европеец, знают не только историки.

Значит, есть основания считать, что причинно-следственная цепочка Инглхарта (социально-экономическое развитие – новые ценности – новые институты) работала и в этом случае.

Конечно, это предельно упрощенная аналитическая модель. В жизни этих цепочек множество, и развиваются они несинхронно. Выделить и проследить действие одной из цепочек нереально. Их совместное действие проявляется как постоянное синхронное изменение всех компонентов процесса.

Поэтому постоянно накапливаются новации (социальные, экономические, культурные, технические), постоянно растет производительность труда и богатство общества, меняются ценности, спрос на новые институты и сами институты. Речь идет о некатастрофическом развитии. Но и без катастроф развитие страны может быть и позитивным, и негативным. История прогресса не гарантирует. И в негативном варианте цепочка Инглхарта будет действовать (деградация, обеднение – адаптационное изменение ценностей в направлении выживания – соответствующее изменение институтов и социального порядка в целом).

ПЯТЬ ПРАКТИК КАК ИНСТРУМЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

ИТАК, мы наблюдаем три случая перехода к порядку открытого доступа, или, что очень близко, к европейским цивилизационным координатам.

Первый – естественный переход в результате развития стран западноевропейской цивилизации.

Второй – инверсия, возврат восточноевропейских стран в родную цивилизационную среду, когда в результате реформ европейские институты были внедрены и адаптированы достаточно быстро и безболезненно: сработал незабываемый гражданами комплекс европейских ценностей. Далее по цепочке причинно-следственных связей адаптация всего социально-экономического организма. Налицо успешная инверсия цепочки Инглхарта. Процесс перехода не закончен, но прогноз благоприятен.

Третий случай. На опыте стран Юго-Восточной Азии мы также видим, что возможна инверсия в этой цепочке. У авторитарных правителей, имеющих возможность десятилетиями административно давить на граждан и навязать им новые институты (которые, к тому же, улучшают им жизнь), ценности под влиянием жизнен-

ного опыта изменяются, а навязанные институты эффективно адаптируются. И в этом случае причинно-следственная цепочка меняет направление: вначале новые институты, а далее синхронно и социально-экономическое развитие, и новые социальные ценности. Процесс также не закончен, особенно в области демократии, но в экономике вполне успешен.

Заметим попутно, что советский опыт также показывает: десятилетия насилия обеспечивают подобную инверсию, но в сторону от европейской цивилизации. Впрочем, об этом позже.

Авторитарное реформаторство далеко не исчерпывается опытом стран Юго-Восточной Азии. Через историю проходят чередой харизматические лидеры, изменявшие свои страны и народы в критические периоды их существования. (Правду сказать, не так уж редко именно их деятельность создавала эти критические периоды). Моисей, Солон, Наполеон, Ататюрк, Сталин, Гитлер, Перон, Франко, де Голль, Ли Куан Ю... Думаю, в этот ряд можно будет поставить и Саакашвили.

Формальные основы их власти различались кардинально: от либеральной демократии до диктатуры. Но их авторитет, обусловленный харизмой и изобретательным популизмом, обеспечивал возможность авторитарных реформ. Недаром у этих слов один корень.

Авторитет обеспечивал и терпение наро-

да даже в странах, где подобной традиции не было.

Однако обратной стороной слабого контроля общества за героем являются высокие риски последствий его деятельности. Всем нам известен страшный опыт деятельности героев с отрицательным знаком: выбор гибельного пути, катастрофические ошибки.

Впрочем, для нашего анализа существенно другое обстоятельство. Появление героя непредсказуемо, и уже поэтому его невозможно рассматривать в одном ряду с воспроизводимыми инструментами модернизации.

Для гражданина Украины перечисленные успешные практики адаптации европейских цивилизационных координат должны рассматриваться как апробированные инструменты модернизации.

К ним для полноты картины следует добавить еще два практикуемых набора инструментов. Во-первых, это действия ЕС в отношении ряда южноевропейских стран (**четвертая** практика).

Речь идёт о Греции, Кипре, Болгарии, Румынии, Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговине, а также Албании, на протяжении столетий находившихся в сфере политического и культурного влияния Византии и воспринявших от

неё православие, а затем более 300 лет бывших зависимыми от Османской империи. Очевидно, что их мировосприятие, ценности, национальные характеры далеки от западноевропейских.

Однако Европейский Союз имеет вполне определённые планы по включению этих стран в свой состав. Греция, Кипр, Болгария и Румыния уже члены ЕС, хотя эксцессы, с ними связанные, свидетельствуют о далеко не полной их адаптации к европейским цивилизационным стандартам.

Для перечисленных девяти стран процесс включения в ЕС не может быть интерпретирован как возвращение в родную цивилизационную систему. Для них необходима полноценная модернизация институтов и мотивационно-ценностного комплекса граждан.

По аналогии с упомянутыми странами Юго-Восточной Азии здесь *Европейский Союз функции авторитарного реформатора берёт на себя. Давление ЕС осуществляется через процедуру подготовки к вступлению в ЕС, а затем, после вступления, путём политического и бюрократического контроля за соблюдением новичками европейских законов и социальных практик, а также путём применения экономических рычагов.*

Авторитарные эксцессы, подобно азиатским, конечно, исключаются, давление мягче, но и результативность пока неясна.

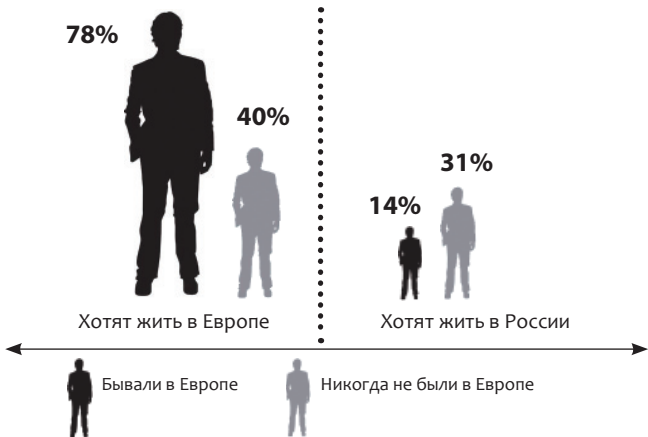
Справедливости ради отметим успешное развитие экономики семи из девяти упомянутых стран (кроме Греции и Кипра). Они по-прежнему бедны по европейским масштабам (втрое беднее, чем страны Западной Европы, члены ЕЭС). И все же валовой внутренний продукт с учетом межстрановых различий в ценах (ВВП по ППС) в расчёте на душу населения вырос за 2004–2012 гг. в среднем на 31%. Греция и Кипр не бедны, но у них этот показатель за те же годы уменьшился.

Для сравнения, у восьми упомянутых восточноевропейских стран средний показатель роста за тот же период – 29%, у четырнадцати западноевропейских членов ЕС 1957–1995 гг. вступления средний рост за тот же период – 4% (13).

И, наконец, последняя, **пятая** из рассматриваемых практик. Для европейских и неевропейских соседей Европейского Союза, в отношении которых нет чётко выраженной перспективы вступления в ЕС, методы стимулирования проевропейской модернизации ещё мягче и неопределённой: через договоры с ЕС об ассоциации и свободной торговле, через вступление в общеевропейские политические, экономические, правовые и военные организации с

условиями внедрения определённых европейских цивилизационных институтов. В этом же направлении действует техническая помощь, культурное влияние, облегчение контактов и знакомства со странами ЕС. Отметим, что даже знакомство со странами ЕС – вполне эффективный инструмент.

Опрос, проведённый социологической группой «Рейтинг» в 2013 г., показал существенные различия между желаниями граждан, не бывавших в странах ЕС и бывавших там многократно. Из первой группы хотят жить в Европе 40%, из второй – 78%. Хотят жить в России: из первой группы – 31%, из второй – 14% (14).

Указанные в последнем абзаце инструменты используются десятки лет. Они, несомненно, по-

лезны как дополнительное средство, но не как основной метод лечения. Понуждающая сила к эффективной адаптации населением новых институтов, чуждых многосотлетним традициям, у таких методов слишком мала.

Здесь уместно отвлечь свое внимание от Европы и спросить себя: почему же мы не можем заимствовать положительный опыт неевропейских стран из Азии или Латинской Америки? Пусть не целиком, а самые удавшиеся кусочки. У всех на слуху успехи Китая, Бразилии, Индии.

Дело даже не в том, что европейский тип жизни нам исторически ближе всех. В живом социальном организме осколки чужих культур, вводимые искусственно, приживляются тяжелее, чем чужие органы у человека.

Европейская близость для нас не ограничение, а историческое везение.

Европейская цивилизация наиболее эффективна на протяжении столетий и по уровню, и по качеству жизни. Достаточно взглянуть на рейтинг стран мира по уровню ВВП по ППС.

Зададим в таком рейтинге, составленном Международным валютным фондом за 2012 г., нижнюю границу богатой страны – годовой доход в 20000 долларов США (15). Из 187 стран этому

критерию соответствует 49 стран. Из них 32 – государства европейской цивилизации (Европа и ее «дочки»), 8 небольших стран, у которых экспорт нефти и газа – основной источник дохода, 5 европейски модернизированных азиатских «тигров», 4 островные микросоударства, живущие за счет туризма.

В этом списке ни одного сколько-нибудь крупного государства из Азии (кроме «тигров») и Латинской Америки. Бразилия – на 78-м месте, Китай – на 93-м, Индия – на 133-м. Ближе всех к счастливчикам – Чили и Аргентина. Это страны с преобладанием потомков эмигрантов из Европы.

Так что европейский опыт нам заимствовать не только естественнее, но и полезнее всего.

Мы рассмотрели пять практик – пять наборов инструментов перехода страны к социальному порядку открытого доступа путём адаптации комплекса европейских институтов. Они могут быть сведены к двум типам развития.

ПЕРВЫЙ – повторить европейское эволюционное развитие или вернуться к нему.

ВТОРОЙ – осуществить длительное (десятилетиями) реформаторское давление, чтобы заимствованные институты потеснили накопленные столетиями традиции и стали новым, привычным образом жизни. Кому подходит для этой цели или авторитарная внутренняя власть, или надправительственная европейская бюрократия, или общеевропейские международные организации?

Что с этим небогатым выбором делать Украине? Или придется искать в истории иные успешные практики развития, пусть и в других исторических обстоятельствах?

III. ПРОБЛЕМА УКРАИНА

Хотим ли мы в Европу? Как далеки мы от такой цели? Доступны ли нам испытанные практикой инструменты перехода? Насколько мы к этим инструментам восприимчивы? Реалистично ли найти в Украине силу, готовую эффективно и интенсивно решать задачу перехода страны в Европу?

МЫ ХОТИМ В ЕВРОПУ

Упомянутое исследование группы «Рейтинг» в начале 2013 года показывает не только распространенность этого желания, но и его причины (14). За присоединение Украины к Европейско-

му Союзу – 50% опрошенных, против – 37%. За создание единого государства в составе Украины, России и Белоруссии – 42%, против – 47%. Однако уровень понимания проблемы невысок. Может быть, и привычное для советского человека двоемыслие срabатывает, но каждый четвертый украинец, желающий жить в союзе с Рос-

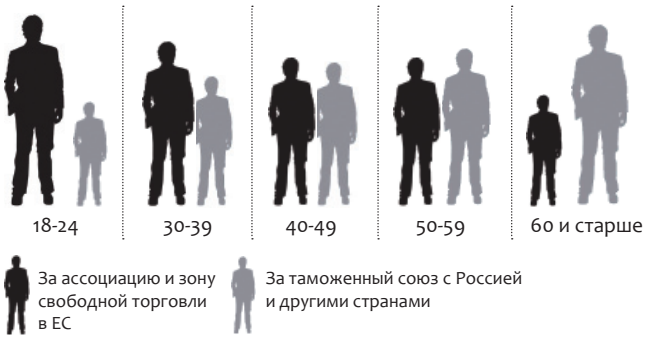
Таблица 1

	За ассоциацию и зону свободной торговли в ЕС (%)	За таможенный союз с Россией и другими странами (%)	Графа 2 минус 3 (процентные пункты)
1	2	3	4
Возраст, лет			
18-24	53	28	+ 25
30-39	44	35	+9
40-49	40	37	+3
50-59	39	41	- 2
60 и старше	32	50	-18
Образование			
Высшее	52	31	+ 21
Среднее специальное	40	41	- 1
Среднее общеобразовательное	35	41	- 6
Начальное, неполное среднее	30	47	- 17

III. Проблема Украина

Предпочтения граждан в зависимости от их возраста

сией, одновременно хочет в ЕС. Количественные различия в выборе невелики, но качественные отличия проясняют будущее.

Отметим, что младшие возрасты настроены проевропейски, и их доля биологически неизбежно будет неуклонно возрастать. Правда, переходя в старшие возрасты, люди становятся

Предпочтения граждан в зависимости от их образования

Таблица 2

Представления граждан о важнейших характеристиках Европы и России (характеристики, на которые указали более 35% опрошенных)

Европа	%	Россия	%
Развита экономически	66	Общее прошлое	72
Большое количество мигрантов	59	Богатство природных ресурсов	69
Высокий уровень образования	58	Понятный язык	66
Благосостояние	56	Понятная культура	57
Активность граждан в защите своих прав	54	Сильная власть	45
Новые технологии	54	Сильная армия	44
Уверенность в будущем	52	Коррупция	40
Честные суды	52	Большой разрыв между бедными и богатыми	35
Безопасность жизни	52		
Развитая демократия	51		
Законопослушные граждане	49		
Свобода высказываний	48		
Стабильность	46		
Равные права женщин и мужчин	45		
Хорошие возможности для развития собственного бизнеса	45		
Доступная медицина	37		

более консервативными. Но в памяти нынешних молодых уже нет ностальгических воспоминаний о «сладких» днях брежневского застоя.

Поразительна в обследовании «Рейтинга» полярность мнений между наиболее популярными представлениями о Европе и России.

Россия – это ностальгия, мечта о прошлой, привычной жизни в сильном или, вернее, силовом государстве. Европа – мечта о справедливой, безопасной и благополучной жизни, но в которой придется быть более активным. Представляется, что эти различия достаточно полно объясняют, почему пожилые и невысокообразованные граждане предпочитают Россию, а молодые и высокообразованные – Европу.

ЧТО ЗНАЧИТ ВОЙТИ В ЕВРОПУ?

Задача не в географии. С географией у нас как раз нет проблем. Проблемы скорее в истории. Цивилизационная Европа – это клуб развитых стран. Входным билетом служит достижение определенных параметров в системе цивилиза-

ционных координат. Впрочем, география свою роль играет. Неевропейские страны просят не беспокоиться.

Чем дальше наша социальная жизнь от этих параметров, тем длительнее должно быть реформационное давление, тем сложнее добиться благожелательного терпения общества, подобрать инструменты, найти ответственных лидеров.

Критически важный набор цивилизационных характеристик Европы включает в себя:

- либеральную демократию, регулируемую правовым государством;
- активное гражданское общество;
- консолидированную политическую нацию – нацию граждан;
- высокий статус и уровень развития социального и человеческого капитала;
- социальную рыночную экономику.

Это тесно переплетенный связями и зависимостями комплекс, где ослабление одних характеристик деформирует развитие других. Это живой, саморазвивающийся организм, обслуживаемый системой институтов и организаций и поддерживаемый гражданами. Без поддержки большинства граждан эта высокоорганизованная социальная жизнь была бы невозможна. Граждане поддерживают институты, те, в свою очередь, обеспечивают гражданам равенство жизненных шансов.

Основной двигатель всего социально-го организма – всепроникающая конкуренция.

Укажем на основные свойства этого организма и сравним их с украинской реальностью.

Либеральная демократия – это форма общественно-политического устройства, в котором воля большинства и способность его представителей осуществлять власть ограничены во имя прав и свобод меньшинств и отдельных граждан.

В правовом государстве неуклонно реализуется принцип верховенства права, то есть, во-первых, соблюдение его предписаний всеми субъектами, в том числе обладающими властью лицами и органами, и, во-вторых, подчиненность закону всех подзаконных актов и актов правоприменения.

Правовое государство:

– устанавливает стандарт законности методов осуществления власти, ограничивает и направляет этот процесс;

– обеспечивает определенность и реальность ожиданий в отношении власти;

– охраняет устоявшиеся ценности общества, защищает права и свободы граждан всей системой своих институтов. Моральное содержание законов составляет фундамент их легитимности: «несправедливый закон – это не закон».

Действенность правового государства обеспечивается рядом инструментов, важнейшими из которых являются: независимость правосудия, разделение властей по ветвям и территориальному уровню, система сдержек и противовесов, которая обеспечивает подотчетность одних ветвей власти другим.

Правовое государство противостоит произволу во всех его разновидностях: диктатуре большинства, деспотизму, полицейскому государству, а также отсутствию правопорядка.

Богатство общества повышает устойчивость либеральной демократии.

Очевидные и неочевидные (но доказанные) преимущества либеральной демократии. Она:

- защищает меньшинства, в том числе наиболее активные и креативные, облегчая адаптацию страны к вызовам и стимулируя развитие;

- обеспечивает подотчетность власти перед обществом, улучшая тем самым качество власти;

- снижает уровень коррупции;

- снижает конфликтность в обществе;

- по совокупности факторов воздействия повышает эффективность государственной машины и обеспечивает рост благосостояния граждан.

Критики либеральной демократии (в основном, слева) обвиняют ее в ограничении власти

большинства, отсутствии прямой демократии, что усиливает роль активных меньшинств, позволяет манипулировать массами, узаконивает неравенство. Всякая форма общественно-политического устройства – это баланс интересов, но история знает достаточно много случаев использования и прямой демократии, и неограниченной власти большинства для произвола и узурпации власти.

Развитое гражданское общество. Гражданское общество – это сфера самодеятельности свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, независимая и огражденная законом от вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Это «общество граждан», то есть лиц, наделенных законом широким кругом прав, которые они используют добровольно, активно и ответственно как индивидуально, так и коллективно. Развитие гражданского общества и правового государства – это единый исторический процесс. Они являются партнерами, необходимыми друг другу. Массовость, активность, даже агрессивность гражданского контроля бюрократии и политической власти – неременный атрибут западных демократий.

Гражданское общество:

– обеспечивает защиту частной жизни челове-

ка от необоснованной регламентации и вмешательства государства и политической власти;

- развивает механизмы общественного самоуправления;

- обеспечивает реальность гарантии прав и свобод, в том числе равный доступ к участию в государственных и общественных делах;

- стабилизирует общество; в сложные исторические периоды ослабления государства (война, кризис) обеспечивает стабильность и преемственность жизни общества.

Политическая (гражданская) нация. Нация – сообщество людей, устойчиво, осознанно и единообразно позиционирующих себя в пространстве и времени.

Можно выделить, в качестве существенных, факторы, определяющие национальную идентичность:

- историческую территорию, родину, родной край;

- общие мифы, в том числе миф происхождения, и историческую память;

- общую бытовую культуру, язык и традиции;

- единые политические и юридические права и обязанности для всех членов общества;

- общую экономику, единый рынок, свободу движения товаров, рабочей силы, капиталов.

Любой нации присущи все эти признаки. Однако они различаются тем, как выстраивается

иерархия этих признаков в сознании членов нации. В Европе смена мест в этой иерархии фиксировала историческое развитие нации от этноса к этнической нации, к созданию национального государства на основе доминирующего этноса или союза этносов и далее – трансформацию этнической нации в нацию политическую.

Современное европейское государство является формой существования политической нации. Но оно этнично в том смысле, что является носителем определенных социально-культурных ценностей, сформированных общей для членов нации культурно-исторической судьбой.

Отсутствие общей исторической судьбы, единства культуры и исторической памяти – тормоз в процессе создания политической нации, серьезный риск для устойчивости государства. Путь решения этой сложной проблемы находится, прежде всего, в ее осознании элитами во всей полноте; затем в ответственном, целенаправленном и последовательном формировании благоприятных надэтнических факторов единства (политических, юридических, экономических), в содействии формированию единого культурного пространства. Так

и рождается общая культурно-историческая судьба.

Социальный капитал – это связи между людьми, основанные на доверии, уважении, толерантности и готовности сотрудничать с индивидами, их объединениями и организациями. Эти связи базируются на общественном согласии в отношении общих ценностей, этических норм, правил и способов поведения.

Социальный капитал – это форма существования доверия. Доверие не обязательно рационально и основано на знании. Оно может быть следствием веры и традиции. Но у человека должен быть жизненный опыт, подтверждающий реалистичность этой стратегии.

В странах европейской цивилизации социальный капитал тесно взаимосвязан с либеральной демократией, открытым обществом, правовым государством. Наличие и работоспособность этих институтов, с одной стороны, основаны на высоком уровне социального капитала, с другой – они подтверждают пользу атмосферы доверия в обществе, тем самым поддерживая и стимулируя его рост.

Социальный капитал повышает качество жизни гражданина, страхуя, упрощая и заменяя формальные процедуры, тем самым облегчая доступ, удешевляя стоимость и повышая качество всех форм жизнедеятельности и способов удовлет-

ворения потребностей (здоровье, безопасность, обучение, воспитание детей, удовлетворенность работой и жизнью и т.п.). На уровне общества социальный капитал обеспечивает повышение качества и снижение затрат на исполнение государственных функций и на работу гражданского общества; повышает социальную стабильность, снижает остроту социальных конфликтов и облегчает их разрешение; способствует соблюдению эффективного баланса между экономической свободой и социальными гарантиями.

Таким же образом социальный капитал действует в экономике в треугольнике государство – предприниматель – потребитель, удешевляя стоимость любой транзакции, являясь важнейшим фактором эффективности. Поэтому существует тесная связь между уровнем социального капитала и богатством нации.

Человеческий капитал – это знания, умения, навыки, используемые человеком в процессе его жизнедеятельности. Человек осуществляет инвестиции в свою рабочую силу, в свои природные способности путем воспитания, образования, опыта, умножая качество и эффективность своего труда и других форм жизнедеятельности.

Для общества человеческий капитал – интенсивный экономический ресурс, важнейший фактор формирования высокотехнологичной, инновационной экономики. Таким же образом

действует человеческий капитал в иных сферах развития общества.

Непременным условием развития человеческого капитала является формирующая его среда – высокое качество образования и науки, развитие интеллектуальных сетей, соответствующие традиции, преемственность и высокий общественный статус интеллектуальной деятельности.

Человеческий капитал высокого уровня дефицитен и мобилен. Поэтому условием его эффективного использования в стране являются экономическая свобода, конкурентоспособное качество жизни и условия интеллектуального труда.

Социальная рыночная экономика. Рыночная экономика – социально-экономическая система, в которой основным регулятором экономических процессов является рынок. Конкурентные цены служат информационной основой для принятия решений о распределении ресурсов в направлении максимизации прибыли. Тем самым оптимизируется соотношение спроса и предложения и определяются воспроизводственные пропорции народного хозяйства.

Предпосылками рыночной экономики являются общественное разделение труда, частная собственность на средства производства, экономическая свобода всех хозяйствующих субъ-

ектов и их ответственность, зафиксированные в правовой системе, в соответствии с которой государство обеспечивает соблюдение «правил игры» на рынке.

Саморегуляция придает рыночной системе гибкость и динамизм. Однако существует ряд областей, в которых рыночные механизмы не в состоянии обеспечить потребности социума и решать его проблемы. Речь, в частности, идет о:

- создании развитой производственной, инновационной и социальной инфраструктуры;
- предотвращении монополизации и поддержании конкуренции в экономике;
- соблюдении принятых в данном социуме стандартов социальной дифференциации (прежде всего, доходов);
- предотвращении тех последствий кризисов, которые признаны разрушительными в системе принятых обществом ценностей и социальных стандартов;
- удовлетворении общественных потребностей в социальных благах: образование, культура, наука, здравоохранение и социальное обеспечение, качество окружающей среды.

На решение или, по крайней мере, смягчение этих проблем направлено государственное регулирование в форме антимонопольной, антикризисной, инновационной и др. политик.

Любая экономика по определению социаль-

на. Но под социальной рыночной экономикой понимается конкретный тип хозяйственной системы, сформировавшийся в последние десятилетия в Западной Европе. Она включает в себя мощные встроенные механизмы согласования противоречивых интересов социальных групп. Имеется в виду их согласие в понимании и достижении социальной справедливости, равенства возможностей, защищенности, качества жизни.

Модели социально-ориентированных рыночных экономик имеют свои особенности в каждой стране, адекватны ментальности, традициям каждой нации. Но, несмотря на идейные разногласия основных либеральных и социал-демократических моделей, все европейские социальные рыночные экономики основаны на тщательно продуманном, не травмирующем, не парализующем регуляторном воздействии государства на рынок в сочетании с высокой культурой социального партнерства.

ХАРАКТЕР ЕВРОПЕЙЦА И УКРАИНЦА (СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ)

Еще раз подчеркнем принципиально важное для нашего будущего положение: ценности, национальный характер и система действующих

социальных институтов в свободной стране (не оккупированной, не захваченной диктатором), находятся в динамическом единстве. Если ценностно-мотивационный комплекс (ценности, запреты, убеждения, поведенческие установки и стереотипы) большинства граждан несовместим с навязанными социальными институтами, они не работают или, того хуже, работают извращенно.

Осознать и принять это положение совсем не просто. Психическая защита направляет мысли человека по формуле: власть плоха (преступна), а я, вместе с моим народом, хорош, но беспомощен перед злом, и мое недовольство властью – дополнительное тому доказательство. Тем, кто готов осознать и принять единство национального характера и действующих социальных институтов, приходится признать, что они сами постоянно воспроизводят условия существования нелюбимой ими власти. Зато для любопытных и пытливых открывается возможность на базе знания социальных институтов представить ключевые черты национального характера, и наоборот. И этому продвинутому гражданину легче понять «кто виноват» и «что делать».

Мы не обсуждаем личную этику, не ввязываемся в заведомо бессмысленные рассуждения о том, что одни народы более моральны и возвышенны, чем другие. Природа берет свое, и в

каждом народе достаточно трусливых, лживых, жестоких и т.п. Речь идет о другом: комплексе социальных ценностей и человеческих качеств, поддерживающих работу социальных институтов, которые, в свою очередь, обеспечивают определенный социальный порядок.

Эти ценности в действии являются социальным капиталом, кратко описанным ранее. Именно их нам мучительно не хватает. Приглядимся к ним в изложении Френсиса Фукуямы (16). «Социальные ценности – такие, как честность, взаимность, выполнение обязательств, – не являются предметом выбора, каким являются этические ценности; они имеют осязаемую стоимость в долларах и помогают группам, которые их придерживаются, достигать общих целей» (с. 31). «Доверие, подобно смазке, делает работу любой группы или организации более эффективной» (с. 35).

«Нормы, которые производят социальный капитал... – правдивость, выполнение обязательств, сотрудничество... – в значительной мере совпадают с теми пуританскими ценностями, о которых Макс Вебер... писал как о решающем для развития западного капитализма факторе» (с. 37). «Социальный капитал позволяет различным группам внутри неоднородного общества объединиться друг с другом, чтобы защищать свои интересы, которыми в против-

ном случае может пренебречь могущественное государство» (с. 39).

Итак, этот ценностный комплекс объединен потребностью во взаимном доверии, которое обеспечивается: способностью к сотрудничеству активных граждан, что означает и способность к компромиссам, которые воспринимаются как общая победа, а не чье-то поражение; честностью при принятии обязательств и ответственностью в их выполнении.

Подчеркнем, что перечисленные социальные ценности нейтральны по отношению к целям деятельности. Так что они вполне эффективны, скажем, и для преступных групп.

Поэтому, когда речь идет о европейских социальных ценностях, в их основе предполагаются нижеприведенные фундаментальные общеевропейские ценности.

Европеец. Развитие капиталистических отношений, урбанизация и индустриализация, сопровождаемые мощными духовными взлетами в философии, гуманитарных и естественных науках, в религии, в искусстве, формировали европейца на протяжении Нового времени (между XIV и XX веками).

Европеец отказался от традиционной пассивности, обожествления стабильности, традиций, власти, авторитета, от безоговорочного подчинения общине.

Побеждает светское рационально-аналитическое отношение к миру взамен традиционного религиозно-цельного. В том числе ценность отделяется от интереса, то, что должно быть, от того, что хочется.

Человек Нового времени нуждается в пространстве индивидуальной свободы, частной жизни, защищенности от доминирования любой неправомерной силы. Эту потребность он признает за всеми и готов защитить ее. Он ценит частную собственность как основу автономной личности, принимая конкуренцию как полезную неизбежность.

Столетия борьбы за свободу и опыт свободной жизни накрепко связали в сознании европейца свободу с внутренней ответственностью личности, убедили его в том, что безграничная или безответственная свобода внизу – зло не меньшее, чем рабство или произвол наверху. Его характер формируется под влиянием этих фундаментальных ценностей.

Он активен, в т.ч. граждански активен, интернален, то есть готов влиять на обстоятельства, принять на себя ответственность и вину. В цене – успех, достижительность, а значит, предпри-

имчивость, мобильность, профессионализм, трудолюбие, самодисциплина. Европейец хочет «честной игры» в делах. Он законопослушен, так как на практике убеждается, что законы и их применение, как правило, основаны на справедливости.

Достигнутый к 60-ым годам XX века технический прогресс и выросший в разных странах уровень народного богатства формируют новые условия и качество жизни. Эти перемены зафиксированы терминами «общество знаний», «постиндустриальное общество».

Как и многократно бывало, социально-экономическое развитие поставило новые требования к человеку, активизировало новые потребности, на наших глазах трансформирующиеся в новые ценности и черты характера. Я бы не сказал, что они совершенно новы и отрицают, уничтожают старые. Они усложняют систему, меняют местами приоритеты. Статус приоритета на безопасность физического существования в широком смысле (еда, жилье, здоровье) понижен настолько, насколько удовлетворен. На первое место вышла ориентация на саморазвитие и качество жизни, освобождение от любых недобровольных объединений, в т.ч. максимальное освобождение от связей с государством. Повысилась терпимость, готовность к добровольному сотрудничеству, готовность к

компромиссу как к совместному решению без подавления и поражения. Гуманность трансформируется в бережливое отношение ко всему живому и распространяется на всю Землю как живую экосистему. Эти изменения отразились и на институтах, так что демократия становится более «человечной».

Но развитие противоречиво и, приобретая новое, всегда что-то теряешь. Европейец Нового времени был мобилизован и агрессивен. Начало индустриализации и первичное накопление капитала в Европе были жестоким временем для простых людей. Войны стали опустошительнее, к XX столетию они приобрели характер мировых. Колонизация являла примеры забытой древней жестокости. В первой половине XX столетия расплодились диктатуры.

Постиндустриальное общество избавляется от состояния мобилизованности и агрессии. Жестокость сменяется терпимостью. Это гуманно, привлекательно, но очевидно ослабляет такое общество перед лицом потенциальной агрессии. Над этим стоит поразмыслить.

Украинец. Украинский характер, ценности украинца требуют от нас максимального интереса и внимания как причина и следствие нашей истории и проблем современности. В описании социальной компоненты украинского национального характера я опираюсь на

специальное исследование «Украинский национальный характер» (характерные социально-психологические особенности населения Украины), проведенное в 2011 г. (17). Выделены черты, препятствующие созданию украинцами собственного эффективного государства, динамичной экономики, вхождению в европейское цивилизованное поле. «Важнейшей социально-психологической особенностью наших граждан является склонность к изоляционизму. Речь идет об ограниченности сферы жизненных интересов рамками приватной жизни и ближайшего окружения (семья, близкие родственники...)» (17 с. 8). Как следствие – недоверие к согражданам, к общественным движениям, низкая готовность к солидарным действиям. Также – недоверие к государству и к его институтам, нежелание совместной с ним деятельности.

Большинство украинцев в противоположность европейцам склонны рассматривать свою жизнь преимущественно как результат влияния внешних обстоятельств, что определяется как экстернальность.

Это убеждение то ли является причиной сосредоточения интересов на ближайшем социальном круге, то ли служит оправданием

такому положению. Так или иначе, недоверие к другим и неверие в собственные силы рождает следующий феномен: профессионализм и карьера поставлены на службу благополучию ближайшего социального круга, но не реализуют цели служения чему-то высшему (пусть даже честолюбию). Карьерный рост носит адаптивный характер, поэтому риски и новации минимизируются.

Слабая готовность следовать Закону, рутинное его нарушение как лучший, часто единственный способ решить проблему коррелирует с недоверием к государственным институтам и представлением об окружающих за пределами своего круга как об «аморальном большинстве». Коррупция – самое яркое тому подтверждение. Общество пронизано коррупцией целиком.

В целом перечисленные черты национального характера отражают необходимость для украинца жизненной стратегии физического выживания для себя и для «своих». У него есть основания для такой стратегии, заложенные в нашей истории.

Во-первых, столетия проживания в чужих го-

сударствах имели следствием традиционное недоверие граждан к чужим государственным институтам и законам. Не могла зародиться и государственная элита с ее традициями служения стране, преемственности власти. Нет традиционных государственных форм, к которым мы могли бы вернуться. А столетия жизни в разных государствах, к тому же цивилизационно различных, мягко говоря, не способствуют консолидации нации.

Во-вторых, семьдесят лет советского периода можно обоснованно определить как период социцида. В эти годы уничтожены все формы независимой от государства социальной деятельности граждан. На протяжении трех поколений были безжалостно вытравлены традиции самоорганизации и солидарного действия. В 30-х годах уничтожены активные социальные слои (их традиции), так сейчас необходимые для построения своего государства и рыночной экономики. Речь идет об украинской демократической интеллигенции и зажиточном крестьянстве.

Какое государство может быть построено в этих условиях, какие институты внедрены и поддержаны гражданами?

«ЕСТЕСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО» УКРАИНА

Украина, став независимой, получила в наследство от СССР порядок «естественного государства». Она не входила в число анализируемых стран при создании концепции социальных порядков ограниченного и открытого доступа. Но достаточно сравнить, даже поверхностно, характеристики, образующие порядок ограниченного доступа, и всем нам известные реалии политической и экономической жизни Украины, чтобы убедиться и поразиться идентичности этих характеристик.

После демонтажа однопартийной политической системы Украина не смогла, подобно посткоммунистическим странам Восточной Европы, заменить однопартийное правление КПСС реально функционирующей демократической системой европейского образца, заимствовав лишь некоторые формальные ее признаки. Это вполне объективно и естественно. У Украины не было исторического опыта эволюционного роста демократических институтов. А сложные социальные системы не конструируются, а растут.

В этих условиях бюрократия спонтанно заняла освободившуюся от коммунистической партии политическую нишу. Она из орудия политической власти сама стала властью. Не обладая ни традициями служения своей стране, ни

развитой идеологией, ни другими атрибутами политической организации, при фактическом отсутствии контроля со стороны общества, бюрократия, сосредоточившись на своих интересах, стихийно приватизировала государственные полномочия и направила государственную политику на реализацию этих частных интересов. Внешне это нашло отражение в гипертрофии «взяткоемких» функций государства и редуцировании усыхания «невзяткоемких».

Системная коррупция, завладевшая новым государством, имеет вполне определенные исторические корни в технологии чиновничьего управления дореволюционной Россией, но более всего брежневской эпохи. Хорошо известен феномен так называемого «административного рынка» брежневского периода, где происходил обмен решений на решения и решений на чиновничьи блага. К «административному рынку» была подключена всепроникающая система льгот и привилегий.

В основном натуральный, бартерный характер обмена, господство «блата» не меняли коррупционной сущности подобных сделок. Рыночные преобразования лишь изменили форму коррупции, переводя ее преимущественно на денежную основу. Открытость экономики, частное предпринимательство в точках контакта с государством увеличили поле приложения коррупции,

а снятие идеологического контроля КПСС взрывоопасно увеличило и масштабы, но не создало системную коррупцию как новый феномен.

Получив власть, бюрократия сумела избежать качественного обновления. Она управляла независимым государством (чего раньше не было) в условиях рыночной экономики, в иной политической системе. Естественно, требовалось как минимум интенсивное переобучение, пополнение бюрократии людьми нового склада. Персональные замены были частыми и масштабными сверху донизу. Но не по критерию эффективности, а «чужих» меняли на «своих» и, конечно, способных дисциплинированно влиться в коррупционный процесс.

В результате были законсервированы ценностные ориентации и технологии управления, взятые из советской экономической системы.

Сохранены и старательно воспроизводятся такие свойства советской государственной машины, как неопределенность и неполнота прав собственности, зарегулированность хозяйствования, искусственная монополизация рынков, выборочная поддержка отраслей и предприятий, политика слабой имущественной от-

ветственности приближенных к государству субъектов хозяйствования, практика выборочного применения карательных мер.

Так в лице постсоветской бюрократии страна получила всеразрушающий сплав коррупционности, некомпетентности и безответственности.

С самого начала этого процесса коррупция не была просто дополнительным налогом бюрократии на предпринимательство, но формой селекции частного капитала. Бюрократ, каждый на своем уровне власти, боролся за право решать, кому быть богатым, а кому нет, определять дозволенные формы деятельности и пределы роста.

Такой тип взаимодействия бюрократии и частного капитала при отсутствии его легитимной защиты предопределил формы укрупнения капитала путем консолидации вокруг региональных центров власти. Так образовались промышленно-финансовые политические группы – «региональные кланы».

По мере роста экономической мощи «кланов», распространения их влияния на всю страну капитал занимает в паре «капитал – бюрократия»

лидирующие позиции. Так сформировался украинский олигархическо-бюрократический капитализм. Наши формальные институты и государство в целом являются оболочкой для неформальных норм и отношений, обеспечивающих властную монопольную ренту.

Сопоставляя национальный характер и социальный порядок нового государства, легко установить живое тесное соответствие между ними. То же самое мы замечали в Европе.

Возвращаясь к нашему национальному характеру, лучше понимаешь власть и ее политику. Власть делает то, что ей позволено обществом, и, как подросток, постоянно пытается расширять границы своей бесконтрольности. Мы не способны на отбор лучших и контроль за ними. В этих условиях смена властных команд – результат внутренней борьбы элитных слоев, поочередный энергетический выплеск наверх сильнейших. Персонально команды отличаются по мировоззрению, по отношению к людям, по намерениям. Но порядок ограниченного доступа, властная рента были и есть святыми понятиями для всех команд.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Если мы согласимся с тем, что национальный характер, ценностно-мотивационный комплекс народа и социальные институты находятся в живой, взаимоподдерживающей связи, то это означает что:

– стать европейцами означает для нас переход от нашего корыстно управляемого государства к принципиально иному порядку, обозначаемому европейскими цивилизационными координатами. Это скачок, отрицание старого порядка, создание его противоположности. Задача не может быть решена без усвоения, «впитывания» нашими гражданами европейских социальных ценностей;

– пока эти ценности не преобладают в жизни общества, мы не можем считать себя европейцами;

– олигархо-бюрократический уклад нашего «естественного государства» возник не по злому умыслу Президента Кучмы, а по исторически обусловленным причинам. Вина-заслуга Кучмы в том, что он в 1994–2000 гг. провел необходимые реформы, обеспечивающие само существование государства, включая, впрочем, и выше-названный уклад. Еще одна его вина-заслуга в том, что он обеспечил стабильность государства, выполняя совершенно неизвестную ему ранее роль арбитра в борьбе набравших силу

олигархических кланов. А если бы тогда Кучма всерьез взялся силой внедрять европейские социальные институты и стандарты (это, конечно же, из серии фантастики), он, скорее всего, был бы отстранен от власти;

– властные команды, которыми мы так справедливо недовольны, есть наше зеркало, плоть от плоти нашего народа, они не станут лучше, пока мы не станем другими.

– любая системная либеральная реформа, будучи формально внедрена, будет отторгнута или извращена. Как, например, это постоянно бывает с постоянно же внедряемой дерегуляцией.

Доступны ли нам и будут ли результативными в этих условиях рассмотренные инструменты европейской модернизации?

1. Естественное европейское развитие. Пережив советскую индустриализацию и урбанизацию, мы существенно отклонились от европейской траектории и по ценностям, и по институтам.

2. Вернуться в Европу как восточноевропейские страны. Как видно из пункта 1 – это не о нас.

3. Либеральные системные реформы, которые бы неуклонно осуществлялись на протяжении десятилетий авторитарной властью. Но нет у нас конфуцианской этики, не будем мы терпеть

десятилетиями авторитарную власть и, главное, доморощенные авторитарные лидеры не будут неуклонно заниматься этим себе в ущерб.

4. Вступить в Европейский Союз. Он бы подтянул нас тесными связями, экономическими стимулами и бюрократическим давлением. Так он намерен делать с балканскими странами. Будет ли этот инструмент эффективным? Будут ли ценности православных стран Южной Европы столь же адаптивны к внедрению европейских либеральных институтов, как у стран конфуцианского ареала в Юго-Восточной Азии? Настораживает кризис неплатежеспособности Греции, не обеспечившей за более чем три десятилетия членства в ЕС конкурентоспособности своей страны и живущей не по средствам. Впрочем, вероятность нашего вступления в ЕС пока невелика.

5. Мягкое европейское влияние через политику соседства с ЕС и межгосударственные договора. Как отмечалось, инструмент полезен, но не может быть основным.

В итоге, перечисленные политические практики не могут стать основой для активной, интенсивной европейской модернизации Украины. Ситуация выглядит тупиковой, и потому стимулирует «мыслителей» к созданию разнообразных концепций, сводящихся при ближайшем рассмотрении к приближению желанного будущего без напряженных усилий.

СОБЛАЗНЫ, И НАВЕРНЯКА НЕ ВСЕ

	Изложение соблазнов	Возражения
1	Нас ведет в Европу ход истории. Так что будем уповать на естественное развитие плюс мягкое влияние Европейского Союза.	Это правда. Но ход истории весьма прихотлив. Может изменить направление движения или отменить уникальное стечение обстоятельств. Задача реформирования – ускорить этот процесс и сделать его устойчивым.
2	Выбираем направление развития в соответствии с экономическим расчетом. Он показывает, что с Россией выгоднее – спрос обеспечен без обновления производства.	а) Мы выбираем не прибыль за 5 лет, а цивилизацию и судьбу. Экономический расчет теряет смысл при принципиальных различиях вариантов вне экономики. б) Экономически расчет теряет смысл, если в одном варианте вы рассчитываете на статус-кво (налаженные связи с Россией и ее спрос на изделия нашей устаревшей экономики). А в другом варианте – с Европой – вы рассчитываете изменить ситуацию (повысить конкурентоспособность через модернизацию).
3	Пойдем в Европу вместе с Россией.	Это как столкновение материков. Россия, русский мир – другая, не европейская, евроазиатская цивилизация. Не станет она Европой, и стремиться к этому не будет.
4	В Европе нас ждет периферийное, полуколониальное существование.	Европа – это вызов, толчок, которого мы ждем, чтобы выйти из застоя. Не примем вызов, будем соответствовать этому предсказанию нашей лени.
5	Европа на излете, ЕС разваливается.	Лучше с богатым потерять, чем с бедным найти. Адаптационные возможности европейской цивилизации грандиозны. А будущее рискованно везде. Далее смотри первую фразу.

6	Зачем нам заимствовать чуждые европейские институты и ценности? Сами придумаем или соберем со всего мира лучшее, что ближе нашей идентичности.	Нелепое занятие отщипывать по кусочку от различных цельных живых систем. Эти кусочки несовместимы, нежизнеспособны вне своего цивилизационного поля. Вот совместить живое с живым – европейские институты и ценности с собственной культурой – трудно, но возможно. Как это сделали страны Юго-Восточной Азии
---	--	---

**ДЕЙСТВОВАТЬ. НЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ,
А МОРАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ**

Если надуманные соблазны не работают, а реальные практики либо недоступны, либо недостаточно действенны, если не хотим быть периферийной страной, – придется искать, найти и применить иной тип инструмента европейской модернизации.

Все нами рассмотренное представляет собой политические практики внедрения (навязывания) новых институтов. Но почему мы сосредоточились только на такой политике?

В цепочке Инглхарта помимо реформирования институтов действуют еще два компонента: социально-экономическое развитие и изменение ценностей. Попытки подстегнуть развитие локальными мерами, не изменяя социальную

систему в целом – такие, как открытие экономики или создание специальных экономических зон, – могут быть вполне успешными, если проводятся настойчиво, последовательно и честно. Но локальные изменения страну не меняют и стратегически обречены на неудачу, если они не являются частью реформ всей системы страны. Методически такие локальные реформы являются частным случаем рассмотренной нами практики реформ стран Юго-Восточной Азии. Доводы о неприменимости их в Украине те же. Не получается ни у каких наших властей реформировать настойчиво, последовательно (преемственно) и честно. Поэтому все попытки создать в Украине специальные экономические зоны заканчивались коррупционным скандалом. К этому близка подобная попытка внедрения национальных проектов.

Желающим активно способствовать европеизации Украины остается не ждать от власти реформ, а попытаться изменить ситуацию самим – путем включения европейских социальных ценностей в национальный характер, не сверху, что невозможно, а по собственной воле.

Вспомним два случая неполитического изме-

нения мира. В них политика делала свое дело, но не она была в основе могущественных, достигших успеха моральных движений. В октябре 1517 г. Мартин Лютер прибил к церковным воротам листок с 95 тезисами против практики продажи индульгенций. Это была реакция на моральное разложение католической церкви.

За 40 лет новая форма христианского вероисповедания укоренилась по всей Северной Европе, включая Англию и часть Франции.

Через 400 лет, в 1955 г., в США возникло ненасильственное, принципиально неполитическое движение за равные права негров, символом которого стал баптистский пастор Мартин Лютер Кинг. Сторонники расового равенства юридически победили через 12 лет, а уже в 80-х годах расовое равенство стало обыденной практикой, стилем жизни американского народа.

В обоих случаях обновление началось с морального протеста меньшинства, их идеи были приняты большинством народа и закреплены в законах, в неформальных нормах, то есть в социальных институтах.

Этот путь моральной, а не политической модернизации, может быть выходом из нашего заколдованного круга.

Мы можем и должны попробовать усвоить

тот комплекс социальных черт характера и ценностей европейца, который был ранее кратко описан.

Здесь уместно выделить два обстоятельства, облегчающих нам решение поставленной задачи.

Во-первых, наша история тесно переплетена с европейской. По базовому психотипу мы ближе к европейской цивилизации, чем к любой другой. Это отчетливо проявляется в социальной и политической жизни в сравнении с нашими постсоветскими соседями. Евгений Головаха (18) выделяет шесть подобных отличий: регулярная сменяемость власти оппозицией, решение социально-политических конфликтов без насилия, неучастие армии и ограниченное вмешательство сил безопасности в политическую жизнь общества, наличие влиятельных оппозиционных СМИ, отрицание обществом действий власти, направленных на ограничение свобод и преследование оппозиции, наличие влиятельных социальных слоев, готовых к консолидированному протесту. Власть ясно показывала желание уничтожить эти свойства народа... Майдан еще раз доказал тщетность ее противостояния исторической тенденции.

Во-вторых, *исследование динамики ценностей в последние десятилетия показывает, что Украина медленно ухо-*

дит от «Русского мира», приближаясь к Европе (19). Для тех, кто готов действовать – это исключительно важный сигнал. Он означает, что мы действуем в соответствии с исторической тенденцией, а не вопреки ей. Это залог будущей победы, как и основная причина успеха упоминаемых идей Мартина Лютера и Мартина Лютера Кинга.

Действовать может начать активное меньшинство идейных европейцев. Организационно это неполитическое движение можно представить как ассоциацию снизу малых групп. Они будут заниматься самообразованием (дабы не наломать дров), образовывать других, миссионерствовать, учить свободе и самоограничению в ней. Но, в первую очередь, действовать, побуждая себя и других к жизни в рамках европейских цивилизационных координат. Польза от этого двоякая. Только действие делает движение влиятельным как у населения, так и у власти. Кроме того, действие – лучший способ изменить себя.

Люди изобретательны, за выбором способов действия дело не станет. Я бы предложил начать с массовых судебных споров с государством и власть имущими в связи с любым нарушением ими закона. Судебная система призвана быть «последним аргументом» в конфликтах. Без справедливого суда страну не изменить. С него нужно и начать. Отдельному человеку это труд-

но. А группы вполне могут практиковать такой гражданский тренинг. Главное не выигрыш, а массовость.

Вообще говоря, обновление ценностей – дело длительное и в естественном процессе, связанное со сменой поколений. Поэтому наиболее надежный помощник в этом процессе – школьная система. Но без государства подключить эти структуры невозможно, поэтому нужно создавать параллельную учебную сеть: кружки, воскресные школы, теле- и Интернет-школы и университеты, Интернет-библиотеки книг, лекций и т. д.

Массовое движение само по себе способствует кристаллизации, возвышению, распространению своих целей и идей. Сильные обратные связи, свойственные социальным процессам, здесь играют позитивную роль. Европейство имеет высокий потенциал национальной идеи. Если прошлое нас разъединяет, то желаемое будущее вполне может объединить. Это, в свою очередь, создает соответствующий эмоциональный климат, так необходимый для самоизменения, вживания в европейские социальные ценности.

Активное меньшинство может изменить страну. Не так уж редко пассивное большинство идет за активным меньшинством, выражающим историческую тенденцию.

В случае успеха воспринятые ценности создадут влиятельный спрос на честную и ответственную власть, которая, в свою очередь, внедрит европейские институты, соответствующие воспринятым ценностям.

***

Давайте подумаем и о других инструментах европейской модернизации. Главное – не останавливаться на размышлениях, а действовать. Вспомним Патрика Макмерфи из фильма «Пролетая над гнездом кукушки» – стихийного борца за свободу: «Но я хотя бы попробовал это сделать, черт побери!».

IV. ПОСЛЕСЛОВИЕ. МАЙДАН КАК ЦЕННОСТНЫЙ СКАЧОК

1. Майдан – есть протест части украинского народа против контрастно неевропейской, нецивилизованной политики власти.

Политика команды Януковича разрушала страну экономически, социально, нравственно. Внезапный отказ от соглашения с ЕС – это деталь, последняя капля. Но если властью недовольно преобладающее большинство граждан, то борьбу за европейскость и такой решительный способ борьбы, как Майдан, поддерживают далеко не все из недовольных властью.

Политическая победа Майдана должна означать изгнание разрушающей страну власти. Но ни при каких условиях ее невозможно трактовать как победу одной части народа (пусть большинства) над другой, придерживающейся иных взглядов на будущее (пусть даже не осознанных убежде-

ний, а привычных стереотипов прошлого). Вот это был бы образец отрицания европейскости.

2. Независимо от политических результатов Майдана, он обозначил ценностный скачек в деятельности участников многочисленных майданов по всей стране.

Люди ведут себя по-европейски: граждански активны, самоорганизуются ради общих целей, готовы ради них к сотрудничеству и компромиссам, к ответственности и дисциплине. Эти черты проявили на майданах миллионы.

Именно поэтому, как бы ни сложилась политическая ситуация после Майдана, в ценностном измерении он победил. Общество перешло в следующий класс школы гражданского развития в европейских цивилизационных координатах. Задача состоит в осознании и распространении этого опыта, во включении его в общий процесс модернизации страны. В противном случае нас ждут очередные разочарования в политических лидерах, в их честности и эффективности, в их реформах и текущей политике.

В очередной раз повторим: не появятся талантливые в управлении страной лидеры, не заработают качественно институты государства, пока для нас не станут своими европейские социальные ценности в душе и в жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг. – Том 2. – К.: Інститут соціології НАН України, 2011. – С. 79.
- 2) Там же. – С. 52.
- 3) Головаха Є., Горбачик А. Тенденції соціальних змін в Україні та Європі: за результатами Європейського соціального дослідження 2005–2007–2009. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 76. Рассчитаны простые средние по страновым баллам.
- 4) См. (1). - С. 37–40.
- 5) Рассчитано по: Статистичний щорічник України за 2009 рік. – К.: Державна служба статистики України, 2010. – С. 547, 551.
- 6) www.dataworldbank.org/indicator/all.
- 7) Статистичний щорічник України за 2012 рік. – К: Державна служба статистики України, 2013. – С. 406.
- 8) Рассчитано по данным (7). Из затрат на питание исключены затраты на алкоголь и табак.
- 9) <http://www.worldvaluessurvey.org/>.
- 10) Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство института Гайдара, 2011.
- 11) Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- 12) Источник данных см. (6). Страны, включенные в расчет: Бельгия, ФРГ, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция, Великобритания, Дания, Ирландия, Португалия, Испания, Австрия, Финляндия, Швеция. В расчете в число западноевропейских стран, членов ЕС, вступления 1957–1995 гг. не включена Греция, имеющая качественно иную цивилизационную историю. Средние значения ВВП по ППС на душу населения определялись по методу простых средних по совокупности страновых показателей. Каждая страна в расчете имеет одинаковый вес, равный 1. Таким образом, мы стараемся узнать, насколько быстро движется весь отряд, а не самые большие страны.
- 13) Источник данных см. (6), метод расчета см.(12).
- 14) www.ratinggroup.com.ua/ru/products/politic/data/entry/4062

- 15) World Economic Outlook. April 2013. International Monetary Fund. – <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/01/weodata/index.aspx>
- 16) Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2003.
- 17) www.newsofia.com.ua/page157.html; или www.bigyalta.com.ua/story/43061
Ермолаев А., Левцун А., Денисенко С. Украинский характер (Характерные социально-психологические особенности населения Украины). Аналитический доклад. – К.: Центр социальных исследований «София», 2011.
- 18) Головаха Є. Українське суспільство: інституціональні зміни і незмінність // Обрії особистості. Книга на пошану Івана Дзюби. – К.: Дух і Літера, 2011. – С. 291–300.
- 19) Грицак Я. І знову про цінності. – www.zahid.net/blogs/.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Науково-популярне видання

Пасхавер Олександр Йосипович

КИМ БУТИ

Російською мовою

Автор намагається відповісти на тривожні питання, що стоять перед Україною. Головне – чому в нас не виходить сходу створити здорову, сильну й дружню до своїх громадян державу. Але мрія може здійснитися, якщо разом з реформами звернути пильну увагу на європейські соціальні цінності, спільні для багатих країн.

Фонд Порошенка

Наклад 3000 прим.